

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Институт гуманитарных исследований
Центр теории и истории культуры
МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК (IAS)
Отделение гуманитарных наук Русской секции
МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
Центр тезаурологических исследований

**ТЕЗАУРУСНЫЙ АНАЛИЗ
МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ**

Сборник научных трудов

Выпуск 17

**Под общей редакцией
профессора Вл. А. Лукова**

**Москва
2008**

*Печатается по решению
Института фундаментальных и прикладных исследований
Московского гуманитарного университета*

Тезаурусный анализ мировой культуры : сб. науч. трудов.
Вып. 17 / под общ. ред. Вл. А. Лукова. — М. : Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2008. — 100 с.

В сборнике помещены работы, в которых представлены теоретические аспекты тезаурусного научного подхода и результаты его практического применения к различным областям гуманитарного знания (теория и история культуры, литературоведение, социология, гуманитарные аспекты естественнонаучного знания).

*Ответственный редактор
заслуженный деятель науки РФ,
доктор филологических наук,
профессор Вл. А. Луков*

© Авторы статей, 2008.
© МосГУ, 2008.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОМ ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ: СОЦИОДИНАМИКА НАУЧНОЙ СФЕРЫ

Культурология — одна из самых молодых наук. Ее история похожа на перевернутую историю социологии. Как хорошо известно, термин «социология» был предложен Огюстом Контом в первые десятилетия XIX века, но подлинная социология с самостоятельным предметом, проблематикой, целями, методом, методиками сложилась только к концу XIX — началу XX века в трудах Э. Дюркгейма¹, М. Вебера², Дж. Г. Мида³ и др., а затем выделились отдельные области — социология культуры⁴, социология молодежи⁵, социология телевидения⁶ и десятки других.

В истории культурологии мы видим обратный процесс. Хотя можно согласиться с А. И. Шендриком, что истоки культурологии можно видеть еще в XVIII веке, в «Идеях к философии истории человечества» (т. 1–4, 1784–1791)⁷ немецкого философа Иоганна Готфрида Гердера, которому и «принадлежит честь создания первой культурологической теории»⁸, но основное направление в генезисе культурологии было другое. Сначала сформировалась большая группа частных наук, изучающих различные виды искусства (искусствоведение, литературоведение, музыковедение и т. д.), гуманитарную сторону естественных наук (наукоеведение, история физики, химии, биологии и т. д.). В социологии заметное место стало отводиться проблемам повседневности (особенно А. Шюц в работе 1932 г. «Смысловая структура повседневного мира»⁹). В истории стало заметно движение, в конечном счете приведшее к фор-

¹ Дюркгейм Э. Социология: Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995.

² См.: Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдов; Предисл. П. П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990.

³ См.: Мид Дж. Аз и Я [и др. статьи] // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В. И. Добренькова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. С. 215–259.

⁴ См.: Шендрик А. И. Социология культуры. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005.

⁵ См.: Ковалева А. И., Луков Вал. А. Социология молодежи: Теоретические вопросы. М.: Социум, 1999.

⁶ См.: Полуэхтова И. А. Телевидение и общество: введение в социологию телевидения. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2007.

⁷ Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977.

⁸ Шендрик А. И. Теория культуры. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Единство, 2002. С. 11.

⁹ См.: Шюц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Сост. А. Я. Алхасов; Пер. с англ. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003.

мированию «Школы Анналов»¹⁰ с ее преимущественным исследованием быта, повседневной жизни людей прошлых эпох; одно из предвестий — огромная популярность переведенных на ряд языков исторических работ Я. Буркхардта «Культура Италии в эпоху Возрождения» (1867) и Й. Хёйзинги «Осень средневековья» (1919)¹¹, написанных в манере, приближающейся к «Школе Анналов». В психологии одно из ведущих мест занял разрабатывавшийся З. Фрейдом с 1895 г. психоанализ, значимым предметом изучения которого стала культура¹² (особенно после выдвижения К. Г. Юнгом концепции коллективного бессознательного, отраженного в мифах, фольклоре и т. д.¹³). Появились работы, которые в настоящее время рассматриваются не иначе как классика культурологии: «Первобытная культура» (1871) Э. Б. Тайлора¹⁴, «Закат Европы» (1918–1922) О. Шпенглера¹⁵, «Homo ludens» (1938) Й. Хёйзинги¹⁶, «Дегуманизация искусства» (1925) Х. Ортеги-и-Гассета¹⁷, «Опыт о человеке» (1944) Э. Кассирера¹⁸.

И только после всего этого утвердился термин «культурология», а вместе с тем представление о существовании специальной научной дисциплины, обозначенной этим термином.

Автором термина был немецкий физик и философ, лауреат Нобелевской премии Вильгельм Фридрих Оствальд (1853–1932), который в начале XX века в своей работе «Принципы теории образования» писал:

¹⁰ Среди основных трудов: Блок М. Апология истории, или Ремесло историка / Пер. с фр. М.: Наука, 1973 (2-е изд. — 1986); Февр Л. Бои за историю / Пер. с фр. М.: Наука, 1991; Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: В 3 ч. / Пер. с фр. М.: Языки славянской культуры, 2003; Его же. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.: В 3 т. / Пер. с фр. М.: Прогресс, 1986–1992; Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / Пер. с фр. М.: Изд. группа «Прогресс», «Прогресс-Академия», 1992; Дюби Ж. Европа в средние века / Пер. с фр. Смоленск: Полиграмма, 1994.

¹¹ Буркхардт Я. Культура Италии в эпоху Возрождения: Опыт. М.: Интрада, 1996; Хёйзинга Й. Осень средневековья. М.: Наука, 1988.

¹² См., напр., сб. работ З. Фрейда: Фрейд З. Художник и фантазирование / Под ред. Р. Ф. Додельцева, К. М. Долгова. М., 1995.

¹³ См., напр.: Юнг К. Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991; Его же. Психология и поэтическое творчество // Самосознание европейской культуры XX века. М.: Политиздат, 1991; Его же. Феномен духа в искусстве и науке. М., 1992.

¹⁴ Тайлор Э. Б. Первобытная культура / Пер. с англ. М.: Политиздат, 1989.

¹⁵ Шпенглер О. Закат Европы: В 2 т. / Пер. с нем. М.: Мысль, 1998.

¹⁶ См.: Хёйзинга И. Homo Ludens: В тени завтрашнего дня. М.: Прогресс-Академия, 1992.

¹⁷ Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства // Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. / Вступ. ст. Г. М. Фриндлендера. М.: Худож. лит., 1991, С. 218–260.

¹⁸ Кассирер Э. Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры / Пер. с англ. // Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М.: Гардарика, 1998.

«Специфические особенности, отличающие род *homo sapiens* от всех прочих животных видов, охватываются наименованием «культура»; следовательно, науку о специфически человеческих способах деятельности вполне можно было бы назвать культурологией...»¹⁹ Термин «*culturology*» («культурология», перевод с немецкого языка термина Оствальда *Kulturologie*) привлек внимание американского ученого Лесли Алвина Уайта (1900–1975)²⁰, когда он в 1930-х годах увлекался оствальдовской концепцией энергетизма, а попал в поле зрения широкого круга специалистов после публикации в 1949 г. сборника статей Уайта «Наука о культуре»²¹. Затем с появлением работ Уайта «Эволюция культуры» (1959)²² и «Понятие культуры» (статья 1959 г., давшая название книге 1973 г.)²³ термин закрепился (интересно, что не в США, а в странах Европы и в настоящее время в России). И тогда стало заметно, что, например, О. Шпенглер считал себя создателем другой науки (подзаголовок «Заката Европы» — «Очерки морфологии мировой истории»). Точно так же Э. Кассирер в подзаголовке «Опыта о человеке» («Введение в философию человеческой культуры») указывает на нечто иное, что близко к культурологии, но не совпадает с ней.

Однако утверждение термина — лишь внешняя сторона более значимого процесса: в середине XX века впервые было осознано появление культурологии как новой области гуманитарного знания. Стало понятно, что появление этой научной дисциплины действительно необходимо: в ней сразу же была замечена ее методологическая функция. Уайт писал: «Культурология — совсем молодая отрасль науки. После нескольких веков развития астрономии, физики и химии, нескольких десятилетий развития физиологии и психологии наука наконец обратила свое внимание на то, что в наибольшей степени определяет *человеческое* поведение человека — на его культуру. После многих неудачных попыток было все-таки показано, что культуру невозможно объяснить с точки зрения психологии; подобные интерпретации представляют собой не более чем ан-

¹⁹ Цит. по: Уайт Л. А. Наука о культуре // Антология исследований культуры: Т. 1: Интерпретации культуры. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 141.

²⁰ См. основные статьи Уайта в изд.: Антология исследований культуры: Т. 1: Интерпретации культуры. СПб.: Университетская книга, 1997.

²¹ White L. A. *The Science of Culture: A Study of Man and Civilization*. N. Y.: Farrar, Straus and Cudahy, 1949.

²² White L. A. *The Evolution of Culture. The Development of Civilization to the Fall of Rome*. N. Y., Toronto, L., 1959.

²³ White L. A. *The Concept of Culture* // *American Anthropologist*. 1959. V. 61. P. 227–251; White L. A., Dillingham B. *The Concept of Culture*. N. Y., 1973.

тропоморфизм в научном одеянии. Объяснение культуры может быть только культурологическим»²⁴.

Однако специфика методологической функции культурологии первоначально носила неопределенный характер. Весьма симптоматично, что сборник статей Уайта 1949 г., с которого начинается самосознание культурологии, был нацелен на спор с другими теоретиками о том, как следует определять понятие «культура». Истоки этого спора в новейшей западной науке уводят в 1917 г., когда в журнале «Американский антрополог» разгорелась дискуссия о сущности культуры между А. Л. Крёбером (статья «Сверхорганическое») и Э. Сэпиром (статья «Нужно ли нам сверхорганическое?»)²⁵. Спустя 35 лет Крёбер вместе с К. Клакхоном опубликовали нашумевшую работу «Культура: Критический обзор концепций и определений» (1952)²⁶, где отмечалось, что с 1871 по 1919 г. в различных науках применялись 7 определений культуры, с 1920 по 1950 г. их число выросло до 150. Анализируя эти определения, Крёбер и Клакхон разделили их на 6 классов (описательные, исторические, нормативные, психологические, структурные, генетические).

В дискуссию об определении культуры включился и Л. А. Уайт, предложивший вернуться к истокам определения культуры, в частности к Э. Б. Тайлору. Уайт указывал: «Преимущество нашего подхода состоит в следующем... Культура четко отграничивается от поведения человека. Она определяется таким же образом, что и объекты исследования других наук, т. е. в терминах реальных предметов и явлений, существующих в объективном мире. Наш подход выводит антропологию из окружения неосязаемых, непознаваемых, эфемерных “абстракций”, не имеющих онтологической реальности»²⁷. В концепции Уайта культура трактуется как «сложная термодинамическая, механическая система»²⁸.

²⁴ Уайт Л. А. Энергия и эволюция культуры // Антология исследований культуры: Т. 1: Интерпретации культуры. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 464.

²⁵ См.: Kroeber A. L. The superorganic // *American Anthropologist*. 1917. N 19. P. 163–213; Sapir E. Do we need a superorganic? // *American Anthropologist*. 1917. N 19. P. 441–447.

²⁶ Kroeber A. L., Kluckhohn C. Culture, a critical review of concepts and definitions // *Papers of the Peabody Museum of American Archeology and Ethnology* (Harvard University, Cambridge, Mass.). 1952. N 47 (1). P. 1–223.

²⁷ Уайт Л. А. Понятие культуры // Антология исследований культуры: Т. 1: Интерпретации культуры. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 43.

²⁸ Уайт Л. Энергия и эволюция культуры // Антология исследований культуры: Т. 1: Интерпретации культуры. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 443.

К настоящему времени насчитывается более пятисот определений культуры²⁹. И сложилось мнение, что определение культуры — самое слабое место, самая уязвимая позиция культурологии. В самом деле, что это за наука, которая дает 500 определений своего основного термина, входящего в ее название, а значит, в сущности, ни одного. Можно ли доверять данным такой науки?

На подобное заявление есть что возразить. В. М. Межуев, выдающийся философ, в своей работе «Философия культуры: Эпоха классики» формулирует отличие культурологии (науки о культуре) от философии культуры следующим образом: «Если культурология есть знание о *разных культурах в их отличии друг от друга* (безотносительно к вопросу о том, какую из них мы считаем своей), то философия культуры есть знание о *культуре, которую мы считаем своей*. Короче, она есть не просто знание человека о культуре, а его *культурное самосознание*»³⁰. Далее В. М. Межуев отводит философии культуры роль методологии наук о культуре³¹. Отсюда естественный вывод: отсутствие ясности в определении культуры в малой степени имеет отношение к культурологии, а является следствием недостаточного развития философии культуры. Но если формулирование понятия «культура» — задача философии культуры, тогда вообще невозможно ожидать какого-то одного, для всех приемлемого определения культуры: ведь философия — сфера свободы, она не может быть единственной: «Наука фиксирует то, что не зависит от нас, философия — то, что предопределено нашей свободой»³².

В. М. Межуев в своей работе и А. И. Шендрик в «Теории культуры»³³ сходятся во мнении, что культурология — это наука, а не философская дисциплина. Это отражает сегодняшний статус культурологии в динамике ее взаимодействия с другими областями социо-гуманитарного знания.

Вместе с тем следует учитывать, что культурология передает философии культуры методологическую функцию не в полном объеме. Здесь происходит примерно то же, что произошло с социологией, делящей методологическую функцию с социальной философией. Американский социолог Р. Мертон (1910–2002), критикуя функциональную стратегию построения социологической теории Т. Парсонса, еще в работах

²⁹ См., напр.: Костина А. В. Культурология: Учеб. пособие. М.: КНОРУС, 2006. С. 16.

³⁰ Межуев В. М. Философия культуры: Эпоха классики: Курс лекций / 2-е изд. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2003. С. 25–26. (Курсив В. М. Межуева).

³¹ Там же. С. 27.

³² Там же. С. 25.

³³ Шендрик А. И. Теория культуры. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Единство, 2002.

1940-х годов³⁴ ввел понятие «теории среднего уровня» для обозначения научных построений, «призванных выступить в качестве посреднического звена между бесконечной рутинной эмпирических социологических исследований и всеобъемлющими социологическими конструкциями высокого уровня абстракции»³⁵. Хотя Мертон говорил о разных уровнях абстракции внутри социологии, но понятие «теории среднего уровня» оказалось весьма востребованным и получило более широкое истолкование. Можно вполне обоснованно считать, что социология в социокультурном знании выполняет функцию теории среднего уровня между социальной философией и конкретными частными сферами изучения общества. Точно так же можно считать, что культурология выступает в качестве теории среднего уровня между философией культуры и конкретными науками искусствоведческого и других циклов, исследующих различные культурные феномены.

Но что это означает? Если мы примем положение, что ведущая теоретическая дисциплина, занимая определенное место в качестве методологического уровня научного исследования, находится в промежуточном положении между философией как верхним «этажом» и специальными дисциплинами различных областей знания, то придем к выводу, что в ней (ведущей теоретической дисциплине) должны отрабатываться нормы, методы, идеалы познавательной деятельности; эта дисциплина становится ведущим звеном, через которое философские и культурные воздействия проникают в специальное знание, она оказывается посредником и проводником основных философских принципов в науку. Особенно существенно и показательно: в ней складывается ядро научной картины мира и аккумулируются философские основания.

Так, особенностью физики XX века, занявшей лидирующее положение в естествознании, было то, что она являлась неклассической физикой. Пожалуй, наиболее существенным моментом утраты классичности была потеря наглядности физического знания. В 1970-е годы эта проблема занимала огромное место в литературе по философским проблемам естествознания.

Если в период классической физики исследователь без труда мог онтологизировать производимые его наукой идеальные объекты и представить себе таким путем, что же являет собой мир как таковой, то в не-

³⁴ См.: Merton R. Discussion of Parsons "The Position of Sociological Theory" // *American Sociological Review*. 1948, Avril. N 13; Idem. *Social Theory and Social Structure*. N. Y.: Free Press, 1949.

³⁵ Тюрина И. О. Мертон // *Социологическая энциклопедия*: В 2 т. / Рук. науч. проекта Г. Ю. Семигин. М.: Мысль, 2003. Т. 1. С. 619.

классической физике такая онтологизация упрощала бы отношения научной теории и реальности, свидетельствовала бы о наивно-реалистических иллюзиях.

Как отмечал М. Планк, понятие картины мира стали употреблять, боясь иллюзии отождествления теоретического объекта и реальности³⁶. Исследователи этой проблемы В. Н. Михайловский и Г. Н. Хон указывали: «Отмеченная Планком возможность иллюзии связана со сменой первоначального подхода к пониманию картины мира как совокупного знания, однозначно сопоставимого с объективной реальностью путем прямой онтологизации теоретических конструкций... Тем самым был поставлен вопрос о вписываемости многоуровневого теоретического знания в образ существующей картины мира, вместе с тем вопрос о формировании современной картины мира в соответствии с развитием теоретического естествознания»³⁷.

Кроме того, даже не поняв этого, онтологизацию теоретических реальностей нельзя было произвести непосредственно без специальных философских и научных процедур, потому что физическая реальность в науке представляла как реальность математическая.

Источник кризиса физики в ее математизации, приводящей к сложностям физической интерпретации теоретического конструкта, продолжал оставаться одной из причин затруднения физика представить себе мир как таковой и тем более ответить на вопрос, каковым этот мир является. Наглядно представить себе этот мир становилось невозможным, и поэтому научная картина должна была быть теоретически построена, превращена в особый предмет и подвергнута исследованию.

Наука своими средствами не могла решить этот вопрос. Философия тоже. Поскольку научные идеализации имеют место не только в физике, где они принимают наиболее абстрактный, математический вид, но и в других областях знания, каждая из которых связана с формированием своей реальности (биологической, химической, социальной и др.), отличной от объективного мира, они тоже строят свои частнонаучные картины мира. Чем более абстрактен уровень научных идеализаций, тем больше потребность в таком построении.

Если в XIX веке картина мира трактовалась как философско-мировоззренческое построение, то для XX века, особенно для его второй

³⁶ Планк М. Единство физической картины мира. М., 1966. С. 49.

³⁷ Михайловский В. Н., Хон Г. Н. Диагностика формирования современной научной картины мира. Л., 1989. С. 4.

половины это научно-философская система представлений об общих свойствах и закономерностях мира (природы, социальной среды).

Ныне уже редко встречается взгляд на картину мира как на особый вид либо философского, либо научного знания. Научно-философский ее характер перестал быть предметом дискуссий. Первоначально она исследовалась только в естествознании в силу указанных трудностей наглядного представления теоретических объектов или, точнее, их наглядной проекции на объективную реальность. Поэтому даже в определениях картины мира часто встречалось отождествление ее с естественнонаучной картиной мира.

Ныне все более в состав идеализирующих факторов или факторов, запрещающих идеализацию, попадают внешние цели (войн, мирного развития, рынка, медицины, экологии), то есть все сильнее проявляется необходимость в обсуждении реального «субстратно-событийного» содержания знания. Проблема наглядности в этой связи имеет громадное значение и прямо связана с построением картины мира³⁸.

Тот же фактор (очевидно, что это фактор социальный) вызвал стремление исследователей, занимающихся проблемой картины мира, выйти за рамки научно-философских проблем и рассмотреть возможности, которые для ее построения содержатся в арсенале искусства.

Так появляется концепция художественной картины мира³⁹ — естественное следствие развития названных тенденций и своего рода наиболее заметное и специфичное достижение этого периода в истории развития понятия.

Трудно судить о состоянии вопроса за рубежом, но по некоторым признакам можно предположить, что процесс там развивался аналогично.

Однако конец 1990-х — начало 2000-х годов снова отмечен «теневым эффектом». Уменьшается количество работ, в которых термин «картина мира» анализируется или хотя бы используется. Если в культурологии он еще выступает как один из ключевых⁴⁰, то философы явно утратили к нему интерес, термин стал «немодным», что есть внешнее проявление его неактуальности.

³⁸ См.: Рахматулин Р. Ю. Наглядные образы научной картины мира: природа и гносеологические функции: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Свердловск, 1986.

³⁹ См. нашу работу: Кузнецова Т. Ф. Философия и проблема гуманитаризации образования. М., 1990. С. 100–111.

⁴⁰ См., напр.: Луков Вл. А. Культурология. М., 2002 (2-е изд. 2004; 3-е изд., доп. 2006).

Неактуальности или неактуализированности?

Этот нюанс раскрывается через ответ на вопрос: картина мира — понятие, утратившее на сегодня свой эвристический, прогностический потенциал, изжившее себя, — или теряющее престиж, будучи оттесненным другими актуальными понятиями? Иначе говоря, причины здесь внутренние или внешние?

Мы уверены, что внешние и, следовательно, термин может и должен быть актуализирован в современном гуманитарном знании, однако для этого он должен быть заново осмыслен и увязан с определенным комплексом идей и подходов, которые выведут его из «тени» неактуальности.

Выявление культурной картины мира — важнейшая методологическая задача современной культурологии, ее специфическая задача, которую не выполняет философия культуры. Одновременно это и сфера методологической ответственности культурологии, как бы границы культурологии.

Но таково положения на сегодняшний день. В динамике развития социо-гуманитарного знания наблюдаются интересные явления, свидетельствующие о некоторых новых тенденциях, которые могут изменить, а могут и не изменить сложившуюся парадигму.

В 2006 г. в Московском гуманитарном университете был создан коллективный труд «Гуманитарное знание: тенденции развития в XXI веке»⁴¹. Появился новый фундаментальный труд, который должен привлечь особое внимание специалистов всех гуманитарных областей знания: в нем сделана в высшей степени успешная попытка определить тенденции развития гуманитарного знания в XXI веке. Редко встречается столь масштабная постановка задачи исследования. Ее решение потребовало усилий высококвалифицированного коллектива авторов, руководителем которого выступил директор Института гуманитарных исследований МосГУ⁴² доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ Вал. А. Луков, снискавший широкую известность и авторитет своими трудами в ряде областей, прежде всего в социологии. Коллектив авторов — весь состав Института гуманитарных исследований: член-корреспондент РАН Б. Г. Юдин, известный во всем мире как один из крупнейших специалистов в сфере биоэтики; член-корреспондент РАН Ю. Л. Воротников, возглавляющий Российский го-

⁴¹ Гуманитарное знание: тенденции развития в XXI веке. В честь 70-летия Игоря Михайловича Ильинского / Под общ. ред. Вал. А. Лукова. М.: Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2006.

⁴² Ныне Институт фундаментальных и прикладных исследований МосГУ.

сударственный научный фонд, который играет принципиальную роль в организации российской науки; проф. Вл. А. Луков, признанный научным сообществом как филолог и культуролог, создающий масштабные и оригинальные концепции, обоснованные обширным материалом истории мировой культуры; доктор филологических наук А. Б. Тарасов, лауреат Государственной премии РФ за работы по проблеме праведничества в русской литературе; доктор философии (PhD) Н. В. Захаров, чьи работы о Шекспире и Пушкине получили широкое признание, в том числе и за рубежом; кандидаты наук В. А. Гневашева, Ч. К. Даргын-оол, Г. Ю. Канарш, О. О. Намлинская — новое поколение ученых, талантливые исследователи, каждый из которых вносит достойный вклад в развитие гуманитарных наук. К этой группе авторов присоединился проф. С. И. Плаксий, известный не только как знаток проблем высшего образования в России, но и как ректор Национального института бизнеса (в издательстве этого института и вышла коллективная монография). В коллективе незримо присутствует и еще один автор — ректор Московского гуманитарного университета, этого флагмана негосударственного образования России, проф. И. М. Ильинский, 70-летию которого авторский коллектив посвятил свой труд и на чьи идеи — философские, социологические, педагогические — опираются авторы в своем коллективном исследовании.

В книге развивается мысль: в гуманитарном знании, в отличие от естественно-научного, на первый план выходит субъективный фактор, личность исследователя, в чем проявляется специфика и функция этого типа знания. Осознание этого действительно можно рассматривать как наиболее заметную тенденцию гуманитарного знания XXI века. В книге вопрос сформулирован в максимально общей форме: понимание человека предложено рассматривать как назначение гуманитарного знания, а ученый-гуманитарий представлен как носитель социального идеала. Это четко сформулированные основы философии гуманитарного знания.

Много места в работе уделено обоснованию основных принципов и демонстрации применения в различных областях гуманитарного знания (социологии, филологии, культурологии) интенсивно развивающегося в последнее время тезаурусного подхода. Это своего рода know how авторов, среди которых — наиболее крупные представители этого подхода. Тезаурусный подход в наибольшей степени воплощает тенденцию к субъективизации гуманитарного знания.

В Заключении авторы дают итоговое определение гуманитарного знания, вытекающее из проведенного масштабного анализа: «Тезаурусный методологический подход... позволяет трактовать гуманитарное

знание 1) как комплекс, в котором воплощена связь знания-понимания-умения... а не только собственно знаниевая (информационная) составляющая; 2) как основное интеллектуальное и духовное содержание культурного тезауруса, образующего связные «картины мира» — ориентиры в культуре Происходящего (и это более широкое понимание реальности, нежели дает обычная трактовка повседневности); 3) как фундамент нового взгляда на действительность, в котором на смену античного антропоцентризма и ренессансного гуманизма («человек есть мера всех вещей») и средневекового теоцентризма («все люди ничтожны перед лицом Бога») приходит их синтез и снятие противоречий через приоритет культуры понимания человеком мира и себя, что должно привести к глобальной «образовательной революции», не может не привести к ней — и не только из-за появления новых средств коммуникации, но и радикального изменения положения человека в окружающей его природной, социальной, культурной и ноосферной среде»⁴³.

Необычайно значим финальный вывод монографии: «...Время приоритета знания в узком смысле слова сочтено: через одно-два десятилетия задачи по сбору данных будут в основном выполнены, «период первоначального накопления» информации в современном понимании ее необходимых объемов закончится, «информационный взрыв» будет преодолен. И тогда наступит эпоха, в которой приоритет будет отдан пониманию. Здесь очевидна ведущая роль России, в многовековой культуре которой понимание выкристаллизовалось в национальную специфику духовной жизни. Понимание перестанет быть по преимуществу философской категорией, обретя практическую значимость и соответствующие технологии. На основе развития понимания центральное место в жизни человечества займет гуманитарная экспертиза всех сфер жизнедеятельности как практическое воплощение новой культуры — культуры понимания. И среди народов и рас человечества все отчетливее будет проступать новая человеческая генерация: *homo intellegens* — Человек Понимающий»⁴⁴.

Значение монографии «Гуманитарное знание: тенденции развития в XXI веке» бесспорно. Она позволяет не только понять, в каком направлении это знание будет развиваться, но и проектировать это развитие.

Как же авторы трактуют будущее культурологии? По крайней мере, один из аспектов определен очень точно: речь идет о гуманитарном знании, определяемом масштабом поколений. Исторический процесс,

⁴³ Там же. С. 671.

⁴⁴ Там же. С. 674.

трактуемый авторами как смена стабильных эпох и переходных периодов, «описывает социология поколений (в том числе через осмысление феномена социокультурных поколений...) и должны описывать культурология и антропология поколений, которые еще предстоит создать. Эти три дисциплины, одна из которых обращена к обществу и личности в обществе, другая — к результатам жизнедеятельности общества и человека в сравнении с жизнью природы, третья же — к человеческому основанию коллективной жизни, составляют ядро гуманитарного знания, его срединный уровень, в котором сходятся вершинные мировоззренческие воления философии (прежде всего этики и эстетики) и религии, т. е. убеждения и вера, и нижний уровень, фундамент гуманитарного знания — науки, искусства, всё многообразие информации, актуальной для человека и общества и составляющей конкретное наполнение культурного тезауруса... Срединный уровень — социология, культурология, антропология — применительно к масштабу поколений — на наших глазах срастается в единое образование — социокультурную антропологию поколений»⁴⁵.

Это очень интересное замечание, которое позволяет конкретизировать одну из животрепещущих проблем, оказавшихся на самом переднем плане развития теоретических исследований современной культурологии, — проблемы соотношения культуры и времени. Суть этой проблемы состоит во влиянии культурных изменений на изменение социального времени и обратно — изменений общества на время в культуре. История культуры «расположена» не только в пространстве, но и во времени. До сих пор это время протекало линейно, позволяя экстраполировать будущее из настоящего. Будущее казалось ясным из настоящего. Прошлое чаще всего рассматривалось как уже ушедшее. Христианское восприятие будущего как направленного в вечность секуляризовалось в простую схему предвидимого будущего. Сегодня происходит дальнейшее изменение социального времени: его протяженность, долгосрочность заменяется быстрой акселерацией, краткосрочностью, неодновременностью развития при одновременности событий в становящемся глобальным мире.

Как отмечает А. И. Фурсов, «физические, исторические объекты, системы отношений развиваются из прошлого в будущее. Однако культурно-историческое, социокультурное направление развития, направление исторического, а не “физического” (“физикалистского”) времени за-

⁴⁵ Там же. С. 672–673.

висит от историко-культурной интерпретации его нахождения в момент старта, в момент социокультурного «Большого взрыва»⁴⁶.

Такими точками, по его мнению, было время Христа, сворачивающего христианскую хронолинейку в рулон, ведущий к вечности. Время прогресса XVII века, секуляризирующего эту хронолинейку до отношений «настоящее — будущее» с обрывом прошлого. Это — западное время прогресса и время тех стран, которые последовали за Западом в своем развитии.

Сегодняшняя точка «Большого взрыва» — глобализация, когда капитализм распространился по всему миру, и Запад перестает быть образцом развития. Это по-прежнему время неравномерного развития, но жесткой взаимосвязи и взаимозависимости мира, время нелинейное именно из-за того, что значимость культурного фактора вырастает и вытесняет социальный аспект.

Сегодня много говорится о конце трансцендентного (Ю. Хабермас), о конце социального (Ж. Бодрийар), конце истории (линейного времени), конце политического, но никто еще не сказал о конце культурного.

Время предстает как культурная универсалия, категория культуры. Как отмечает В. С. Степин, «если в культуре не сложилась категориальная система, соответствующая новому типу объектов, то последние будут восприниматься через неадекватную сетку категорий, что не позволит науке раскрыть их существенные характеристики»⁴⁷. Степин показывает, что культура задает надбиологические программы человеческой жизнедеятельности. «Основания культуры определяют тип общества на каждой конкретной стадии его исторического развития, они составляют мировоззрение соответствующей исторической эпохи»⁴⁸. Категории культуры или мировоззренческие универсалии включают в себя понятия о пространстве, времени, движении, вещи и др. В каждой культуре складывается специфический строй сознания, где эти и другие универсалии обретают как общий, так и специфический вид.

На тот факт, что именно культура производит универсалию времени, указывают не только философы, но и историки, социологи, экономисты и поэты. На это обращают внимание историк И. М. Савельева и экономист А. В. Полетаев в совместной книге «История и время»⁴⁹. Их книга по существу является огромным справочником интерпретации време-

⁴⁶ Фурсов А. И. Операция «Прогресс» // Космополис. 2003–2004. № 4. С. 19.

⁴⁷ Степин В. С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М., 2000. С. 263.

⁴⁸ Там же. С. 269.

⁴⁹ Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время. М., 1997.

ни в истории философии и науки. Они цитируют совместную статью выдающихся социологов П. Сорокина и Р. Мертона, в которой выделены два вида времени — астрономическое (календарное время) и социокультурное время, заключающее в себе социокультурный смысл. П. Сорокин увидел в социокультурном времени следующие черты: оно измеряет одни социокультурные явления другими; оно неравномерно в рамках каждой социальной группы и различных групп; оно не является бесконечно делимым; оно имеет качественный характер; его течение преобразует общество⁵⁰.

Сегодня происходят социокультурные изменения по многим азимутам. Глобализация, объединяя мир экономически и информационно, утверждая единые формы культуры и жизни: образование, спорт, СМИ, моду, туризм, тем не менее, сталкивается с сопротивлением локальных культур унификации ценностей. Исламское сопротивление глобализации приобрело системный характер, противопоставляющий глобализации на западных основаниях свой вариант глобализации на основе исламских ценностей. Наибольшее глобальное распространение получает массовая культура. Весь мир находится в состоянии трансформации, итог которых не вполне определен. Запад движется к постиндустриальному обществу, Азия — к индустриальному, посткоммунистический мир до конца не определил цели своего развития. На пути всех этих изменений лежит множество новых проблем. Известный социолог И. Валлерстайн характеризует эту ситуацию как «конец знакомого мира»⁵¹.

Изменения настолько велики, что сегодня начинают казаться неправильными многие прежние выдающиеся объяснения, в частности теории капитализма К. Маркса и М. Вебера, теории модернизации, психологические теории и др.

Это происходит в ситуации ценностных сдвигов, которые тоже не до конца оформлены, спутаны, иногда доходят до состояния аномии. В результате долговременность планов, предвидений, ожиданий уступает место краткосрочности, сиюминутности.

Наблюдается «большая вариация временного горизонта социально ожидаемой длительности... фундаментальная эволюция темпоральности...»⁵². Цитируемый автор подчеркивает, что изменение времени — продукт ценностных изменений, утраты смысла, тоски и потери целей. Будущее, по его мнению, теряет открытость, перестает быть оплотом

⁵⁰ Там же. С. 493.

⁵¹ Валлерстайн И. Конец знакомого мира. М., 2004.

⁵² Brose H.-G. An Introduction towards a Culture of Non-Simultaneity? // Time and Society. L., 2004. Vol. 13, № 1 (2004). P. 5.

возможностей и становится складом рисков и неопределенностей. Теряет релевантность концепция прогресса. Время настолько быстро изменяется и проекты настолько краткосрочны, что появляется контркультура медленных изменений. В результате усиливаются противоречия медленного — ускоренного, одновременного — разновременного, равномерного и неравномерного, акселерации и стагнации, ускорения и замедления, инновации и традиции. Отрицается любой результат, кроме успеха. Гибнет старая трудовая этика, основанная на идеале самодисциплины и долговременности. Отвергаются традиции, связывающие культуру посредством памяти с прошлым и создающие возможности трансляции культуры.

Но все же остается шанс на удержание культурных ценностей и смыслов, программ человеческой деятельности и отношений, т. к. культура и общество изменяются медленнее, чем техника и экономика. Кроме того, отмеченные противоречия времени становятся такими, в которых надо жить, а потому, как отмечает Броуз, к ним надо изменить отношение, пытаясь найти если не компромисс между ними, то синергию (совокупную энергию, взаимность). Именно культуре принадлежат функции осуществления этого процесса за счет своих способностей к медленному изменению и наследованию предшествующих культур. «Перевод развития на краткосрочность, акселерацию и мимолетность именно в культуре вызывает замешательство и затруднения. Именно в культуре имеются примеры социокультурной эволюции, которые связывают вместе ускорение развития с адаптивностью и склонностью культуры к утверждаемой традицией долговременности... Даже в краткосрочных проектах есть сопротивление краткосрочности. Они могут стать быстрыми прототипами медленного»⁵³. Кроме того, — отмечает этот исследователь, — краткосрочные культурные системы могут быть восприняты как укорененные в сегодняшнем дне в отличие от тех, которые укоренены в прошлом и ориентированы на долговременность как горизонт. Социально-культурное восприятие времени может быть понято как перспектива наблюдения за изменениями в обществе. Изменения времени таковы, что понятия о нем, такие, как «момент», «событие», «изменение» и даже «долговременность» отличаются от «времени вечности», «старого против нового», «прежде и теперь»⁵⁴. Сама культура осуществляет «менеджмент разрыва с культурой»⁵⁵.

⁵³ Ibid. P. 11.

⁵⁴ Ibid. P. 14.

⁵⁵ Ibid. P. 22.

Синергия противоречий времени сегодня раскрывается Валлерстайном в упомянутой работе. Он прибегает к парадоксу: «Изменения бесконечны. Ничего не меняется», — смысл которого состоит в утверждении, что история уже знала радикальные изменения, ускорение времени. Ни одно из утверждений приведенного парадокса не является истинным. Нельзя дважды войти в реку. Существует «стрела времени». Фазами развития исторических систем является генезис, структура и упадок. Гибель возникает тогда, когда историческая система, например, феодализм не может более приспособиться к новым условиям. Колеблясь, система возвращается в равновесное состояние. Это сопровождает ее историю вплоть до гибели. Но «то, что мы охарактеризовали как долгосрочные тенденции, — это, по существу, векторы, выводящие систему из базисного состояния равновесия»⁵⁶. Валлерстайн, пытаясь найти синергию противоречий времени и изменений, смягчает прежние утверждения о неизбежности прогресса, говоря о его возможности, побуждает поместить кажущиеся невероятными изменения сегодняшнего дня в контекст изменений человеческого общества на протяжении его истории.

Такое разделение макро- и микромасштаба истории, макро- и микромасштаба времени, признание возможной гибели делают историю социальных систем подобной истории человека. И потому Валлерстайн пишет: «Сегодня, как и в другие моменты упадка исторических систем, мы стоим перед историческим выбором, на окончательный итог которого может реально повлиять наш личный и коллективный вклад. Однако сегодняшний выбор в одном отношении отличается от предыдущих. Это первый выбор, в который вовлечен весь мир, поскольку историческая система, в который мы живем, впервые охватывает всю планету. Исторический выбор — это моральный выбор, но рациональный анализ... может сделать его осмысленным и, таким образом, определить нашу моральную и интеллектуальную ответственность. Я умеренно оптимистичен, полагая, что мы с достоинством примем этот вызов»⁵⁷.

Принять его для культуролога — значит не отказаться от поисков смыслов, без которых исчезает время или становится только краткосрочным.

Возможен и другой путь для культурологии в динамике социокультурного знания, а именно: расщепление культурологии на составные части.

⁵⁶ Валлерстайн И. Указ. соч. С. 177–178.

⁵⁷ Там же. С. 182–183.

Итак, современная культурология, пройдя через ряд этапов развития, занимает в гуманитарном знании вполне определившиеся позиции, во многом ключевые, но в будущем будет трансформироваться или по пути соединения с другими науками (прежде всего с социологией и антропологией), или по пути расщепления, или по обоим путям одновременно. Тем не менее, очевидно, что культурология развивается динамично, это одна из наиболее актуальных сфер научного поиска, и таковой она останется не только в ближайшем, но и в отдаленном будущем.

Вл. А. Луков

ПЕРВЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНЦЕНТР РУССКОГО КУЛЬТУРНОГО ТЕЗАУРУСА: ВИЗАНТИЯ*

Литературные концентры — понятие, которое мы предлагаем использовать для тезаурусной характеристики русской книжной культуры, чтобы выявить предпочтения русского культурного тезауруса. Концентр — неологизм на основе прилагательного «концентрический», производенного от латинской приставки *con-* и слова *centrum* — центр, средоточие и обозначающего в геометрии окружности, круги, сферы, имеющие общий центр⁵⁸. Так же и во французском языке, где существительное не фиксируется, а прилагательное *concentrique* имеет то же значение, что и в русском языке⁵⁹, и в этом значении оно употребляется, по крайней мере, с 1361 г. (наречие от него *concentriquement* — с 1511 г., другие родственные слова — с XVII–XVIII веков)⁶⁰. Аналогично положение в английском языке (прилагательное *concentric*), с тем добавлением, что слово *concentre* выступает как глагол (*книжн.*) со значениями 1. 1) концентрировать, сосредоточивать (*мысли и т. п.*); 2) концентрироваться, сосредоточиваться; 2. сходиться в центре; иметь общий центр⁶¹.

Литературные концентры — такие центры литературных взаимодействий, вокруг которых располагаются как удаляющиеся круги как бы привязанные к ним менее влиятельные территории взаимодействий. Концентры соответствуют «сильным позициям», выделяемым в ходе те-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 06-04-92703а/Л).

⁵⁸ Словарь иностранных слов / 18-е изд., стереотипн. М., 1989. С. 258.

⁵⁹ Гак В. Г., Ганшина К. А. Новый французско-русский словарь. М., 1993. С. 225.

⁶⁰ Robert P. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française (Le Petit Robert). P., 1967. P. 319.

⁶¹ Большой англо-русский словарь: В 2 т. / Под общ. ред. И. Р. Гальперина. М., 1972. Т. 1. С. 291.

заурусного анализа. Существенно, что через понятие «концентр» про- ступает особое качество «сильных позиций» — они обладают притяги- вающим, кумулятивным характером, действуют не только сами по себе, но в соединении с родственными явлениями, которые обычно объеди- няются с концентриками в сознании, утрачивают в какой-то мере свою культурную специфику.

Теория литературных концентров должна учитывать двоякую природу их функционирования: в какой-то одной литературе могут про- явиться несколько литературных концентров влияния, но и сама эта ли- тература может иметь несколько литературных концентров ответного влияния, взаимодействия (может быть, еще уместнее здесь говорить о «взаимоСОдействии», пользуясь термином Н. К. Анохина, или, в ключе данной работы, о взаимоотражениях). При этом «карты взаимоотраже- ний» при их наложении могут не совпасть по ряду показателей.

Выявление литературных концентров осуществляется через опре- деление литературных предпочтений культурного тезауруса того или иного народа или страны.

Россия, русская литература в этом отношении дает необычайно многоаспектную картину, позволяющую коснуться ряда теоретических вопросов и представить богатую палитру конкретных предпочтений русского культурного тезауруса в отношении европейских литератур и таких же предпочтений со стороны Европы и европейцев в отношении русской литературы.

Если русская литература с позиций ее внутреннего развития вы- ступает единой, то с точки зрения литературных взаимоотражений она утрачивает это единство, распадаясь на ряд этапов. Наиболее укрупнен- ные из них могут выглядеть так:

- древнерусская литература;
- литература переходного периода (XVIII век);
- новая и новейшая русская литература.

Академик Д. С. Лихачев писал: «Влияния, испытанные древнерус- ской культурой на начальных этапах ее формирования, были... различ- ны по своему типу, хотя они и были одновременны.

Могут быть отмечены пять основных направлений культурных влияний на восточных славян, и каждое было не похоже на другое.

Одно из влияний шло с Юга — от Византии. Оно не явилось вне- запно, а было развитием тысячелетних связей с северочерноморской греческой культурой на Восточно-Европейской равнине. С конца X в. это влияние удвоилось влиянием болгарским. То и другое шли рука об

руку и часто, в отдельных своих проявлениях, были неразделимы и даже неразличимы.

Другое влияние было гораздо менее длительным и шло со скандинавского Севера. Со стороны юго-восточных степей давало себя знать воздействие степных народов, с Запада — влияние западных славян и германских народов, которое было более разнообразно, пестро и сравнительно более высоко по своему типу, чем влияние с Севера и с Юго-Востока»⁶².

Выделив эти влияния, Д. С. Лихачев стремился подчеркнуть их неоднородность (с точки зрения тезаурусного подхода, не все они составляли «сильные позиции» в культуре). Д. С. Лихачев приводит яркий пример, сопоставляя византийские и скандинавские источники «Повести временных лет» и приходя к выводу: «Скандинавский слой “Повести” архаичен. Напротив, византийский слой стоит на уровне современной “Повести” европейской культуры. Между скандинавским влиянием и византийским такое же стадийное различие, как между фольклором и литературой»⁶³.

В концепции теоретической истории литературы Д. С. Лихачева особое место занимает положение о литературе-посреднице: «Термин “литература-посредница” не нов в литературоведении, — отмечал ученый. — Обычно под литературой-посредницей понимают национальную литературу, которая передает другой национальной литературе в своих переводах и обработках памятники третьей национальной литературы. Я предлагаю распространить этот термин и на те наднациональные литературы, которые существовали на священоученых языках средневековья: латинском, церковнославянском, арабском, санскрите и пр. Эти литературы создавались во многих странах, были общим достоянием этих стран, служили их литературному общению. При этом их литературное посредничество — не их побочная функция, а основная»⁶⁴. Далее Д. С. Лихачев отмечал особость функционирования литературы-посредницы в средние века: «Это не только литература, “пропускающая через себя” отдельные литературные произведения других литератур, — это литература, создающая особый межнациональный фонд памятников, существующая одновременно на национальных территориях ряда стран как единое развивающееся целое. Она создает собственный литературный фонд на основе чужих. Ее произведения составляют органическое

⁶² Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII веков. Эпохи и стили // Лихачев Д. С. Избр. работы: В 3 т. Л., 1987. Т. 1. С. 38–39.

⁶³ Там же. С. 40.

⁶⁴ Там же. С. 45–46.

целое, существующее одновременно в ряде стран, объединяющее эти страны»⁶⁵.

Применительно к древнерусской литературе Д. С. Лихачев рассматривал в качестве литературы-посредницы древнеболгарскую литературу. Впрочем, ученого можно понять и по-другому. Он писал: «Именно такая наднациональная единая литература-посредница существовала у южных и восточных славян. Она обладала своим наднациональным церковнославянским языком, общим для всех южнославянских и восточнославянских литератур фондом памятников и единой литературной судьбой, единым литературным развитием.

Основу этой великой литературы-посредницы составляла древнеболгарская литература»⁶⁶.

Хотя дальше исследователь подчеркивал, что болгарская литература была на столетие старше русской (начало которой он впервые предложил связывать не с XI, а с X веком, «когда уже несомненно существовали переводные памятники, необходимые в церковной жизни»⁶⁷), что определялось более высоким общественным развитием Болгарии в IX–X веках, но, очевидно, возникало противоречие в концепции: древнеболгарская литература не вполне подходила под определение «наднациональная», которому в большей степени отвечала византийская литература, исходная в ряде отношений для древнеболгарской. Поэтому Д. С. Лихачев вынужден был сделать следующее разъяснение: «Однако, несмотря на огромное значение древнеболгарской литературы для литературы-посредницы, ту и другую нельзя отождествлять, так как литература-посредница в процессе своего существования и развития постоянно пополнялась переводами оригинальными произведениями, созданными у западных славян, в Сербии и на Руси, часть же связанных с местными темами древнеболгарских произведений, существование которых мы можем предполагать, в состав литературы-посредницы не вошла вообще»⁶⁸. После всех этих разъяснений можно сделать только один вывод: ученый обозначил литературу-посредницу, сыгравшую решающую роль в создании русской литературы, не в приведенных фрагментах текста, а в названии раздела, который звучит так: «Древнеславянская литература-посредница и славянская “рецензия” (редакция) византийской литературы»⁶⁹.

⁶⁵ Там же. С. 46.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же. С. 47.

⁶⁸ Там же. С. 46–47.

⁶⁹ Там же. С. 45.

Таким образом, на первый план выходит византийская литература, редакцией которой признается наднациональная древнеславянская литература-посредница.

Обратимся к самому краткому обзору путей развития византийской литературы⁷⁰.

Византийская литература продолжила традиции позднеантичной литературы (прежде всего — литературы раннего христианства), испытывав заметное влияние коптской и сирийской литератур.

В V–VI веках в ней на первый план выходит моральная и религиозная проблематика, развивается литургическая поэзия, полностью вытесняя театр и драматургию. В исторической литературе утверждается мистический историзм (Евсевий Кессарийский), формируется агиография (житийный жанр): Палладий Еленопольский, Иоанн Мосх и др. Расцвета достигают жанры проповеди (Василий Великий, Иоанн Златоуст) и гимна (Роман Сладкопевец).

В ходе спора между православными и монофизитами (Константинополь, 533) были обнародованы 4 трактата Дионисия, образованного грека, обращенного в христианство апостолом Павлом («О небесной иерархии», «О церковной иерархии», «О божественных именах», «Таинственное богословие»). Только в конце XIX века, когда Г. Кох и Й. Шпигльмайр обнаружили прямое использование автором текстов Прокла (412–485), было окончательно доказано, что они не могли появиться в I веке и, очевидно, принадлежат перу современника спора (или мыслителя, жившего немного ранее), так до сих пор не установленного и получившего в науке имя Псевдо-Дионисия Ареопагита (возможны сирийские и даже грузинские корни автора⁷¹). «Символизм в истолковании всего сущего, эстетически переживаемая картина мира как иерархии света»⁷² — то новое, что обеспечило этому памятнику самое видное место как в византийской культуре (развито Максимом Исповедником, Иоанном Дамаскином, Григорием Паламой), так и за ее пределами (влияние обнаруживается в трудах Фомы Аквинского, М. Фичино, Николая

⁷⁰ См.: Памятники византийской литературы IV–IX веков. М., 1968; Памятники византийской литературы IX–XIV веков. М., 1969; Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977; Фрейберг Л. А., Попова Т. В. Византийская литература эпохи расцвета IX–XV веков. М., 1978; Культура Византии. IV — первая половина VII в. М., 1984; Культура Византии: вторая половина VII — XII в. М., 1989; и др.

⁷¹ См.: Нуцубидзе Ш. Тайна Псевдо-Дионисия Ареопагита. Тбилиси, 1942; Его же. Петр Ивер и проблемы ареопагитики. Тбилиси, 1957; Хонигман Э. Петр Ивер и сочинения Псевдо-Дионисия Ареопагита. Тбилиси, 1955.

⁷² Аверинцев С. С. Псевдо-Дионисий Ареопагит // Философский энциклопедический словарь / 2-е изд. М., 1989. С. 525.

Кузанского, в «Божественной комедии» Данте, в древнерусской литературе у Максима Грека и др.). Отказ неизвестного автора от собственного имени — отражение характерного для византийской литературы раннего периода отказа от индивидуализации литературного творчества и установления незыблемых канонов. Пример: утверждение Андреем Критским (ок. 660–740) жанра канона в гимнографии («Великий канон»).

В XI веке на смену этой традиции приходит новая тенденция, связанная с индивидуализацией повествования. Самый яркий пример — творчество политического деятеля и ученого Михаила Пселла (1018 — ок. 1078 или ок. 1096)⁷³, автора панегириков знаменитым патриархам, трактатов о стиле древних авторов, энциклопедии «О всяческой науке», нескольких сот писем, пользующегося наибольшей известностью исторического труда «Хронография»⁷⁴, обретшего форму политических мемуаров.

В XII веке, в период правления Комнинов, византийская культура претерпевает столь большие изменения, что нередко ассоциируется с Предвозрождением и даже с Возрождением. Писательница и дочь императора Анна Комнина (1083 — ок. 1153–55), автор эпоса в прозе в духе Фукидида и Полибия «Алексиада» о деяниях своего отца⁷⁵, организовала литературный кружок, объединивший писателей нового склада, подчеркивавших свою авторскую индивидуальность. Появился эпос «Дигенис Акрит»⁷⁶, сочетающий черты воинской повести и восточной сказки (был переведен в Киевской Руси под названием «Девгениево деяние»). Сложился византийский роман, в котором получили развитие традиции античного романа («Повесть об Исминии и Исмине» Евматия Макремволита, «Роданфа и Досикл» Феодора Продрома, «Повесть о Дросилле и Харикле» Никиты Евгениана⁷⁷). Позже, в XIV–XV веках, расцветает рыцарский роман западноевропейского образца⁷⁸.

⁷³ См.: Любарский Н. Михаил Пселл. Личность и творчество: К истории византийского предгуманизма. М., 1978.

⁷⁴ Михаил Пселл. Хронография / Пер., ст. и прим. Н. Я. Любарского. М., 1978.

⁷⁵ Анна Комнина. Алексиада / Вст. ст., пер., комм. Я. Н. Любарского. М., 1965.

⁷⁶ Дигенис Акрит / Пер., статья и комм. А. Я. Сыркина. М., 1960.

⁷⁷ Византийская любовная проза: Аристенет Любовные письма; Евматрий Макремволит. Повесть об Исминии и Исмине / Пер., ст. и прим. С. В. Полляковой. М., Л., 1965; Никита Евгениан. Повесть о Дросилле и Харикле / Пер. Ф. А. Петровского. М., 1978; Пападимитриу С. Д. Феодор Продром: Историко-литературное исследование. Одесса, 1905; Алексидзе А. Д. Византийский роман XII века: Дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1965; Его же. Мир греческого рыцарского романа (XIII–XIV века). Тбилиси, 1979; и др.

⁷⁸ См.: Полякова С. В. Из истории византийского романа: Опыт интерпретации «Повести об Исмине и Исминии» Евматия Макремволита. М., 1979.

Анализ показывает, что для древнерусской литературы византийская литература являлась источником жанров, образов, давала православно-государственную рамку, почти исключавшую до какого-то времени светско-личное начало. Существование прямых переводов византийских текстов на древнерусский язык, в частности византийских хроник⁷⁹ и «Дигениса Акрита» («Девгениево деяние», XII–XIII вв.), тоже существенно. Вместе с тем, обращает внимание, что византийская литература (имеется в виду не только собственно художественное творчество, но и религиозные тексты, хроники) не была оторвана от древнегреческой словесности: об этом свидетельствуют и развитие неоплатонизма, и появление в IX веке, после трехвекового перерыва, интереса к классической античности в трудах патриарха Фотия, Арефы, Льва Хирсфакта, а затем, в X веке, — у Льва Философа, в XI веке — у Иоанна Мавропода, призывающего Христа вывести из ада души Платона и Плутарха, и появление в XI–XII веках приписываемой жившему в IV веке Григорию Назианзину (Богослову) драмы для чтения «Христос-страстотерпец», начинающейся словами «За Еврипидом следуя, // Я расскажу о муках, искупивших мир»⁸⁰, и другие многочисленные факты. В то же время через посредство византийской литературы древнегреческая литература не перешла в русскую литературу, отразившись в ней косвенно, через собственное отражение античной словесности в словесности византийской, которая выступает, таким образом, преградой во влиянии античной литературы на древнерусскую литературу.

Все это позволяет говорить о Византии как о первом литературном центре русской литературы. Она передала русской литературе некоторые древнегреческие, а также коптские (значит, и древнеегипетские), сирийские, другие восточные⁸¹ импульсы, которые отразились в древнерусской литературе, но не образовали центров.

Возникает вопрос, выступила ли в качестве второго центра древнеболгарская литература?

Кратко рисуем пути ее развития⁸². Болгарская литература — древнейшая из славянских литератур. Первые ее памятники относятся ко

⁷⁹ См.: Лебедева И. Н. Поздние греческие хроники и их русские и восточные переводы. Л., 1968.

⁸⁰ Цит. по: Аверинцев С. С. Византийская литература // История всемирной литературы: В 9 т. М., 1984. Т. 2. С.356.

⁸¹ Об ориентализме византийской литературы см.: Аверинцев С. С. Византийская литература // История всемирной литературы: В 9 т. М., 1984. Т. 2. С.356.

⁸² См.: История на българската литература. Т. 1–4. София, 1962–76; Старобългарска литература: Изследване и материали. Т. 1–2. София, 1971–1975; Андреев В. Д. История болгарской литературы. М., 1987.

2-ой половине IX — X веку (деятельность Кирилла и Мефодия, их учеников, охридская и преславская литературные школы: Климент Охридский, Иоанн Экзарх, Константин Преславский, Черноризец Храбр и др.) и связаны с созданием славянской письменности и культуры, распространением православия, освоением культурных достижений Византии, которое в XI–XII веках стало чрезмерным, вызвав на время упадок болгарской литературы. Новый взлет древнеболгарской литературы (XIV век), связанный с возникновением тырновской литературной школы (Ефимий Тырновский, Григорий Цамблак и др.), был прерван завоеванием Болгарии Османской империей (1396–1878). Многие книги были уничтожены, болгарское книгопечатанье (с XVI века) возникло и развивалось за пределами страны, ядром болгарской словесности становится фольклор (юнацкие песни, хайдуцкие песни, баллады, сказки и т. д.).

Существует огромное количество работ (как у нас, так и в славянских странах), выявляющих общие и частные вопросы взаимосвязей русской и зарубежных славянских литератур⁸³. Фактический материал, подтверждающий эти связи, огромен. И все же нельзя не отметить, что особенности исторических судеб Болгарии, в которой османская оккупация надолго прервала развитие литературы как таковой, а также специфика раннего развития книжного дела, связанная не с оригинальным творчеством, а с переводом и комментированием православных памятников, не дают особых оснований для признания болгарской литературы особым литературным центром для русской литературы.

Поэтому вполне логично заключить, что русская литература в древний период своего развития опиралась на единый византийско-древнеболгарский литературный центр, который сыграл основную роль в момент ее возникновения, но в дальнейшем эта роль уменьшалась, становилась второстепенной.

Осада Константинополя войсками султана Мехмеда II Фатиха (Завоевателя) и падение византийской столицы 29 мая 1453 г. завершает историю Византии как самостоятельного государства, ее территория стала частью Османской империи. Но и более ранние события: захват

⁸³ См., напр.: Пыпин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур: В 2 т. / 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 1879–1881; Взаимосвязи славянских литератур: Сб. ст. Л., 1966; Водовозов Н. В. О взаимосвязях славянских литератур. М., 1967; Литературные связи древних славян. Л., 1968; Голенищев-Кутузов И. Н. Славянские литературы: Статьи и исследования. М., 1973; Кравцов Н. И. Проблемы сравнительного изучения славянских литератур. М., 1973; Петрова Г. А. Взаимосвязи русской и зарубежных славянских литератур. Книги и статьи 1956–1971 гг.: Библиогр. указатель. М., 1972; и др.

Константинополя в ходе 4-го крестового похода 12 апреля 1204 г. и превращение страны в католическую Латинскую империю под управлением графа Фландрии Балдуина I, павшую только в 1261 г. под натиском войск сохранившей православие Никейской империи во главе с Михаилом VIII Палеологом, родоначальником последней византийской императорской династии Палеологов; две унии с католицизмом — Лионская, заключенная в 1274 г. (Михаил VIII желал таким способом предотвратить новый крестовый поход и войну с сицилийским королем Карлом Анжуйским) и заключенная в ходе Ферраро-Флорентийского Собора 1438–1439 гг. (император Иоанн VIII предложил ее католикам в обмен на помощь против турок) — свидетельствовали о слабости императорской власти и вызвали массовые протесты со стороны православных верующих⁸⁴.

Существенны также драматические отношения Болгарии с Византией: войны Первого Болгарского царства с Византией, принятие христианства (865) с последующей борьбой за самостоятельность по отношению к византийской церкви (в 919 г. учреждение патриархата, в 1018 г., после поражения страны в борьбе с Византией, утрата патриархата, который вновь обретен в 1235 г. по мере укрепления позиций Второго Болгарского царства, снова потерян в 1393 г. в ходе турецкого завоевания Болгарии в 1392 г. и в 1396 г., точнее, трех болгарских государств, на которые в ходе внутренних противостояний распалось Второе Болгарское царство)⁸⁵.

Таким образом, византийско-древнеболгарский литературный концентр в историческом плане не опирался на прочную позитивную базу взаимодействия народов.

Женитьба Ивана III на племяннице последнего византийского императора Константина XI Софии Палеолог в 1472 г. и прибытие в Москву символов императорской Византии и книг, как и формулировка при Иване IV Грозном концепции Москвы как третьего Рима, «а четвертому Риму не бывать» (под вторым Римом имелся в виду Константинополь), еще раз закрепили особый характер взаимодействия русской литературы с византийско-древнеболгарским литературным концентром: если на ранней стадии оно было вполне реальным, то на более поздней стадии все более становилось символическим⁸⁶.

⁸⁴ См.: История Византии: В 3 т. М., 1967.

⁸⁵ См.: Краткая история Болгарии. М., 1987; Литаврин Г. Г. Византия, Болгария и Древняя Русь (XI — начало XII века). М., 2002; Византийско-Болгарские войны // Новая Русская энциклопедия: В 12 т. М., 2007. Т. 3(2). С. 437.

⁸⁶ Для иконописи и храмовой архитектуры, где символизм и есть основа содержания взаимоотношений, влияние византийско-древнеболгарского концентра носило значи-

В этом смысле «Слово о полку Игореве», памятник XII века, может рассматриваться не только как один из памятников литературы Киевской Руси, но и как произведение, в котором зависимость от исходного византийско-древнеболгарского литературного центра уже минимальна, наступает время собственно русской литературы.

Византийско-древнеболгарский литературный центр повлиял на некоторые черты русской литературы в целом. Прежде всего, это касается серьезного, почтительного отношения к книге и писателю⁸⁷.

Востоочноотеческая линия в византийской литературе, высказанная Псевдо-Дионисием Ареопагитом в трактате «О таинственном богословии», заключалась в провозглашении *странности* Бога миру. Бог странен для мира, поэтому описывается только парадоксами (он — Мышление и Жизнь, Вечность и Время и т. д.), иначе говоря, подлинная (божественная) логика парадоксальна, имена могут быть «обобщающими» (Сверхблаго, Сверхсущность) или «разделяющими» (Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Святой)⁸⁸, при этом не утрачивающими Божественной полноты, то есть в полном смысле не делящими единое. В трудах Псевдо-Дионисия, Максима Исповедника (изложившего идеи Псевдо-Дионисия в форме, которая была принята православием), основоположника исихазма Григория Паламы и других византийских мыслителей идет поиск особой логики, выражается сомнение в возможности обычной человеческой логики постичь мудрость Бога.

Западная линия богословия не выражала такого недоверия аристотелевской логике, напротив, широко использовала метод Аристотеля, который можно обозначить как «горизонтальный дивизионизм»⁸⁹ и спо-

тельно более длительный характер. См. материал в: Лихачева В. Д. Искусство Византии IV–XV веков. М., 1986; Talbot Rice D. Art of the Byzantine era. L., 1963; Delvoye C. L'art byzantin. P., 1967.

⁸⁷ См.: Каждан А. П. Книга и писатель в Византии. М., 1973; Лихачева В. Д. Искусство книги. Константинополь. XI век. М., 1976; Talbot Rice D. Art of the Byzantine era. L., 1963; Delvoye C. L'art byzantine/ P., 1967.

⁸⁸ См.: Неретина С. С. Византия. Философия // Новая Русская энциклопедия: В 12 т. М., 2007. Т. 3(2). С. 432.

⁸⁹ От фр. *diviser* — делить, разделять. Представление о «горизонтальном дивизионизме» дает подход Аристотеля к определению трагедии в его труде «Поэтика»: «...[0] Трагедия есть [1] подражание [2] действию [3] важному и [4] законченному, [5] имеющему определенный объем, (подражание) [6] при помощи речи, [7] в каждой из своих частей различно украшенной, [8] посредством действия, [пояснение к пунктам 6, 7, 8] а не рассказа, [9] совершающее, благодаря [10] состраданию и [11] страху, [12] очищение подобных аффектов». К выделенным 12 признакам следует добавить разъяснения Аристотеля: к пункту [7]: «“Украшенной речью” я называю такую, которая включает в себе [13] ритм, [14] гармонию и [15] пение; [16] распределение их по отдельным частям трагедии состоит в том, что одни исполняются только посредством метров, а другие — посредством пения»; к пункту [8]: «А так

соб логических доказательств (высшее воплощение — в трудах Фомы Аквинского и других схоластов). Византийская мысль противопоставляла этому подходу «вертикальную (иерархическую) симультанность»⁹⁰ и приоритет примера вместо логического доказательства.

Все это отразилось в стиле русской литературы с характерным для нее монументализмом и силой примера. Для классической русской литературы не свойствен аристотелевский логический принцип «третьего не дано», чаще как раз третье и дано.

Вероятно, именно византийско-древнеболгарский литературный концентр дал толчок развитию такой прошедшей через века особенности русской литературы, которую мы в рабочем порядке определяем как Парето-мышление. Термин требует определенного комментария.

как подражание производится в действии, то первую по необходимости частью трагедии было бы [17] декоративное украшение, затем [18] музыкальная композиция и [19] словесное выражение»; к пункту [19]: «Под словесным выражением я понимаю [пояснение к пункту 19] само сочетание слов»; к пункту [18]: «Так как... она есть подражание действию, а действие производится [20] действующими лицами, которым необходимо быть какими-нибудь по [21] характеру и [22] образу мыслей ([пояснение к пунктам 8, 21, 22] ибо через это мы и действия называем какими-нибудь), то, естественно, вытекают отсюда две [23] причины действий — [24 и пояснение к пунктам 8, 18, 22, 23] мысль и [25 и пояснение к пунктам 8, 18, 21, 23] характер, благодаря которым все имеют [26] либо успех, либо неудачу»; к пунктам [8] и [18]: «Подражание действию есть [27] фабула»; к [27]: «... под этой фабулой я разумею сочетание фактов...»; к пункту [25]: «...под характерами — то, почему мы действующих лиц называем какими-нибудь...»; к пункту [24]: «...под мыслью — то, в чем говорящие доказывают что-либо или просто высказывают свое мнение». За пределами этого фрагмента, посвященного определению специфики трагедии как жанра, остались некоторые пояснения, рассыпанные по другим частям «Поэтики». Так, к пунктам [1], [4] и [5] относится представление Аристотеля о [28] правдоподобии, из которого следует нечетко выраженное требование [29] единства времени (ограничение правдоподобным отрезком времени, который зритель может соотносить с реальностью длительностью театрального представления) и [30] единства действия (но нет указания на единство места); к пунктам [6], [7] существенным является противопоставление поэтически организованной речи в трагедии прозе, обычной разговорной речи; к пункту [21] относится определение: «Характер — это то, в чем обнаруживается нравственный принцип (говорящего, в подлиннике: [31] выбор); поэты не изображают характера те из речей, в которых неясно, что кто-либо предпочитает или чего избегает»; к пункту [24] дается комментарий: «Разумность (= мысль) же есть то, в чем доказывают, что что-либо существует, или вообще что-либо высказывают»; с [26] соотносится аристотелевский термин [32] «перипетия» как переход от счастья к несчастью и наоборот. Очень важное замечание устанавливает иерархию отношений действия и характера: «...Трагедия есть подражание не людям, но действию и жизни, счастьем и злосчастьем, а счастье и злосчастье заключается в действии, и [33] цель (трагедии) — какое-нибудь действие, а не качество...». — Аристотель. Об искусстве поэзии: Греческий текст с переводом и объяснениями В. Аппельерота. М., 1893.

⁹⁰ От фр. *simultané* — одновременный, синхронный, симультанный, *simultanéité* — одновременность, синхронность.

Вильфредо Парето (1848–1923) — выдающийся итальянский социолог и экономист начала XX века. Две его идеи представляют особый интерес. Первая, связанная с особым типом множеств, который он описал и который получил название множество Парето. Речь идет о множествах, построенных на нескольких неоднородных критериях. Пример такой многокритериальной задачи дает покупка в магазине книги для подарка другу. Покупателю предложено десять книг. Но три из них явно низкого качества, и они отбрасываются, следовательно, по критерию качества. Из оставшихся семи три имеют цену, большую, чем может заплатить покупатель. Они отбрасываются по критерию цены. Оставшиеся четыре книги и составят множество Парето: именно из них (а не из десяти первоначально предложенных) будет произведен выбор при покупке.

Вторая идея также вошла в науку с обозначением ее автора — это принцип Парето-эффективности. Парето-эффективным считается положение, которое позволяет предоставить хотя бы одному человеку большее благосостояние таким образом, чтобы не снизить благосостояние кого-либо еще. Этот подход используется в мировой практике в организации экономики государственного сектора. Э. Б. Аткинсон и Дж. Э. Стиглиц в своих «Лекциях по экономической теории государственного сектора», в частности, пишут: «Парето-эффективное распределение общественных благ предполагает, что далее не может быть предпринято ни одного шага, улучшающего экономическую ситуацию с позиций концепции Парето»⁹¹.

Как будто бы, множество Парето и Парето-эффективность имеют отношение только к экономике и проблемам повседневности. Но мы обнаруживаем в русской литературе сам стиль Парето-мышления (объединяющего обе названные идеи) на предельном уровне абстракции, в самом миропонимании, откуда он переходит в образную систему. В русской литературе мир функционирует и человек действует, а также они (мир и человек) оцениваются в соответствии сразу со многими неоднородными критериями. Романтический образ человека, который выступает как ангел и как зверь, вполне подходит Виктору Гюго (Квзимодо в «Соборе Парижской Богоматери» и мн. др.), но для русской классики недостаточен. Герои Достоевского воплощают Парето-мышление, что делает их загадочными для европейского читателя.

От византийско-древнеболгарского источника идет характерное для русской литературы разделение книжного (литературного) стиля и стиля разговорного, противопоставление в этом отношении литературы

⁹¹ Аткинсон Э. Б., Стиглиц Дж. Э. Лекции по экономической теории государственного сектора: Пер. с англ. М., 1995. С. 457.

и фольклора. Древние книги не только исполнены священного содержания, но и передают его особым книжным языком, зафиксированным с помощью кириллицы, буквы которой также, по замыслу Кирилла, имеют священное содержание. Книга для русского человека искони и до наших дней — «учебник жизни», «источник знаний», писатель — значимая общественная фигура («Поэт в России больше, чем поэт»).

В этих отношениях след от византийско-древнеболгарского литературного центра до сих пор значителен. Но если исследовать присутствие в русском культурном тезаурусе нашего времени таких важных свидетельств центра, как историческая память на имена писателей, их произведений, персонажей, сохранение в тезаурусе цитат, сюжетов, количество и тиражи переводов, включенность историко-литературного материала в школьные и вузовские курсы, количество научных исследований, защищенных диссертаций, авторитетных центров по изучению литературы, а также знание историко-культурного контекста, фактов повседневной культуры и т. д., можно констатировать, что византийско-древнеболгарский литературный центр практически полностью исчез, сохранившись, как было отмечено выше, только в символических формах.

Вл. А. Луков

БОДЛЕР В ЗЕРКАЛЕ МНЕНИЙ **(тезаурусный анализ критических высказываний** **о французском поэте в Европе и России)**

Французский поэт Шарль Бодлер (1821–1867) не знал при жизни всенародного признания, он не был увенчан академическими лаврами, его известность носила характер скандала и связана прежде всего с судебным разбирательством его поэтического сборника «Цветы зла» (1857).

Он ушел из жизни в возрасте сорока шести лет. Кто-то его оплакивал, кто-то с облегчением вздыхал. Одни считали его великим поэтом не только в масштабах Франции, но и всего мира. Ницше писал: «Шарль Бодлер... первый типический *décadent*, в ком опознало себя целое поколение артистов...»⁹². Герман Гессе, составляя в 1927 г. проект «Библиотеки всемирной литературы», отмечал: «...Давайте придерживаться действительно уникального и незаменимого! Это прежде всего романы

⁹² Ницше Ф. *Esse Homo*. Как становятся самими собой // Ницше Ф. Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 715.

“Красное и черное” и “Пармская обитель” Стендаля (Анри Бейля)... Не менее уникален и сборник стихов Бодлера “Цветы зла”. Рядом с этими авторами милые сердцу образы Мюссе и очаровательные романтические рассказчики Готье и Мюрже выглядят совсем мелко»⁹³. Из французских писателей XIX века Гессе включал в пантеон мировой классики, помимо Бодлера и Стендаля, только Бальзака, Мериме, Флобера, Золя, Мопассана и Верлена.

Другие, и их было не меньше, отрицали значение Бодлера, говорили о нем с нескрываемым раздражением. Так, мэтр французской критики Эмиль Фаге в очерке, написанном для монументального труда профессоров Лависса и Рамбо «История XIX века», писал: «В высокомерном, хотя и не совсем полном уединении Шарль Бодлер — при весьма слабом таланте — выработал в себе вымученную оригинальность, которой некоторые молодые люди его времени, а также и нашего, слишком легко позволили себя одурачить. Благодаря некоторым стихотворениям, написанным в приподнятом тоне или изящно выражающим редкую и эксцентрическую мысль, а также благодаря некоторым болезненным переживаниям, не всегда вытекающим из чистого источника и описанным в томной, возбуждающей форме, жиденький томик Бодлера заслуживает внимания людей любознательных и еще некоторое время будет читаться с интересом. Но пытаться сделать из него одно из славных имен французской литературы — это значит подражать одной из черт его характера, а именно — упорному стремлению к мистификации»⁹⁴.

В восприятии русских читателей возникло точно такое же разделение. Небезынтересно проследить оценки творчества Бодлера, данные Львом Толстым.

В письме к С. А. Толстой 15 ноября 1892 г. он писал: «...Baudelaire получил. Не стоило того. Это только, чтобы иметь понятие о степени развращения *fin de siècle*’а»⁹⁵. Несколькими днями раньше, 6 ноября он отмечал в дневнике: «Нынешние декаденты, Baudelaire, говорят, что для поэзии нужны крайности добра и крайности зла. Что без этого нет поэзии. Что стремление к одному добру уничтожает контрасты и поэтому поэзию. Напрасно они беспокоятся. Зло так сильно — это ведь фон, — что оно всегда тут для контраста. Если же признавать его, то оно все затянёт, будет одно зло, и не будет контраста. Даже и зла не будет — бу-

⁹³ Гессе Г. Библиотека всемирной литературы // Гессе Г. Магия книги. М.: Книга, 1990. С. 104.

⁹⁴ Фаге Э. Французская литература 1848–1870 // История XIX века: В 8 т. Пер. с фр. М., 1938. Т. 6. С. 427–428.

⁹⁵ Толстой Л.Н. О литературе. М., 1955. С. 265.

дет ничего. Для того чтобы был контраст и чтобы было зло, надо всеми силами стремиться к добру»⁹⁶.

В трактате “Что такое искусство?” (1898) Л. Н. Толстой избирает Бодлера одной из главных мишеней. Приведем некоторые выдержки из этого важнейшего эстетического труда гения русской литературы.

«В последнее время не только туманность, загадочность, темнота и недоступность для масс поставлены в достоинство и условие поэтичности предметов искусства, но и неточность, неопределенность и некрасноречивость.

Théophile Gautier в своем предисловии к знаменитым “Fleurs du mal” говорит, что Бодлер сколь возможно изгонял из поэзии красноречие, страсть и правду, слишком верно переданную...

И Бодлер не только высказывал это, но и доказывал это как своими стихами, так тем более прозой в своих “Petits poèmes en prose”, смысл которых надо угадывать, как ребусы, и большинство которых остаются неразгаданными»⁹⁷.

Далее Л. Н. Толстой приводит в подлиннике стихотворения «самого знаменитого, признанного великим человеком, достойным памятника»⁹⁸ Бодлера «Я тебя обожаю...» и «Дуэль» как пример невнятности, отмечая: «Для того, чтобы быть точным, я должен сказать, что в сборнике есть стихотворения менее понятные, но нет ни одного, которое было бы просто и могло бы быть понято без некоторого усилия, — усилия, редко вознагражденного так как чувства, передаваемые поэтом, и нехорошие, и весьма низменные чувства.

Выражены же эти чувства всегда умышленно оригинально и нелепо. Преднамеренная темнота эта особенно заметна в прозе, где автор мог бы говорить просто, если бы хотел»⁹⁹. Л. Н. Толстой приводит в подтверждение своих слов стихотворения в прозе Бодлера «Чужестранец», «Суп и облака», «Галантный стрелок» на языке оригинала.

Характеризуя мирозерцание Бодлера, Л. Н. Толстой отмечает, что оно «состоит в возведении в теорию грубого эгоизма и замене нравственности неопределенным, как облака, понятием красоты, и красоты непременно искусственной. Бодлер предпочитал раскрашенное женское лицо натуральному и металлические деревья и минеральное подобие воды — натуральным»¹⁰⁰.

⁹⁶ Там же. С. 266.

⁹⁷ Толстой Л. Н. Что такое искусство? // Толстой Л. Н. Собр.соч.: В 22 т. М., 1983. Т. 15. С. 104–105.

⁹⁸ Там же. С. 107.

⁹⁹ Там же. С. 109.

¹⁰⁰ Там же. С. 115.

«Объяснение этого явления, — считает Толстой, — только одно: то, что искусство того общества, в котором действуют эти стихотворцы, не есть серьезное, важное дело жизни, а только забава. Забава же всякая прискучивает при всяком повторении. <...> Так и в этом искусстве: содержание его, становясь все ограниченнее и ограниченнее, дошло, наконец, до того, что художникам этих исключительных классов кажется, что все уже сказано и нового ничего уже сказать нельзя. И вот чтоб обновить это искусство, они ищут новые формы.

Бодлер и Верлен придумывают новую форму, при этом подновляя ее еще неупотребительными до сих пор порнографическими подробностями. И критика и публика высших классов признает их великими писателями.

Только этим объясняется успех не только Бодлера и Верлена, но и всего декадентства»¹⁰¹.

И в другой работе «О том, что называют искусством» (неоконченный набросок к трактату «Что такое искусство?») Толстой сопрягает имена двух французских поэтов: «...Дошло до того, что плоская бездарность Бодлер и Верлен считаются поэтами, и по открытому ими пути кишат их продолжатели...»¹⁰².

Удивительно совпадает с Толстым в оценке декадентства и удивительно расходится с ним в характеристике Бодлера молодой М. Горький, чья статья «Поль Верлен и декаденты» вышла раньше трактата Толстого, в 1896 г. Вот эта характеристика: «Напрасно мрачный Бодлер в бессонную ночь спрашивал:

Кому, какой служба святыне,
Свой день употребили мы?

Его считали безумным, буржуазия не выносила его “Цветов зла”, ибо в них он говорил в лицо ей:

Увы! Мы шли путем гордыни,
Маммоны, ереси и тьмы!
От бога правды, Иисуса,
Мы отрекались со стыдом,
Рабы пресыщенного вкуса
За Валтасаровым столом.

Его не терпели за то, что он укоризненно говорил пресыщенному обществу:

Очнись! Великий грех
Без пользы занимать на божьем пире место!

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Толстой Л. Н. О том, что называют искусством // Там же. С. 346.

... Опомнись! Бездна ждет, — она неумолима.

И зловеще пророчествовал глухому и слепому обществу:

Уж близок, близок час, когда, восставши грозно,

Природа, Разум, Честь, забытый Долг и Стыд —

Все, все над головой безумца прогремит:

“Умри, о старый трус! Исчезни! Слишком поздно!”

Он, этот Бодлер, “жил во зле, добро любя”, и, наконец, погиб, оставив Франции свои мрачные, ядовитые, звучащие холодным отчаянием стихи, за которые при жизни его называли безумным, а по смерти назвали поэтом и позабыли, слушая Коппе и Ришпена, истых сынов своего общества, “парнасца” Эредиа, ничего не говорящего сердцу, и вспоминая о Банвиле и Леконт де Лиле, которые писали так красиво, что их стихи больше похожи на мраморные кружева мавританских дворцов, чем на живую рифмованную речь»¹⁰³.

Странно: один и тот же поэтический материал так по-разному оценивается. Может быть, разными поколениями? Но И. С. Тургенев, который был старше Л. Н. Толстого на десять лет, видимо, признавал Бодлера¹⁰⁴. В то же время, с точки зрения некоторых критиков конца XIX века, молодой А. П. Чехов в рассказе «Бабье царство» (1894) вывел почти пародийный образ Лысевича, который «буквально повторяет то самое, что Бодлер и его ученики воспевают в стихах»¹⁰⁵.

Противоположные оценки соседствуют с противоположными трактовками принципов поэзии Бодлера.

Приведем два высказывания о поэте, относящихся к XX веку. Одно принадлежит выдающемуся культурологу, признанному ныне во всем мире, М. М. Бахтину. В работе «Формы времени и хронотопа в романе» он размышляет о распаде раблезианского образа «веселой смерти»: «Упомянем еще о раблезианских мотивах у отца символизма и декаданса — Бодлера. В стихотворении “Веселый мертвец” (см. заключительное обращение к червям: “Смотрите, вот к вам идет свободный и веселый мертвец”) и в поэме “Путешествие” (призыв к смерти — “старому капитану” в заключительных строфах), наконец, в цикле “Смертей” мы наблюдаем те же явления распада комплекса (соседство далеко не полное) и перенесения доминанты на смерть (влияние вийонизма и “школы кошмаров и ужасов”). Здесь смерть, как у всех романтиков и символи-

¹⁰³ Горький М. Поль Верлен и декаденты // Горький М. О литературе. М., 1955. С. 6–7.

¹⁰⁴ См. его письмо Е.П. Свешниковой (январь — февраль 1882 г.): Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма. Л., 1968. Т. 13. кн. 2. С. 225.

¹⁰⁵ Иванов И. И. Заметки читателя // Артист. 1894. № 3. С. 155.

стов, перестает быть моментом самой жизни и снова становится явлением, пограничным между здешней и возможной иной жизнью»¹⁰⁶.

Итак, М. М. Бахтин видит у Бодлера распад некоего синтеза, определенной целостности.

Напротив, Альбер Камю в «Бунтующем человеке» трактует поэзию Бодлера как поиск и обретение целостности на фоне ее распада в общественном сознании, делая упор на «дендизме» поэта: «Денди творит свою собственную целостность эстетическими средствами. Но это эстетика своеобразия и отрицания. “Жить и умереть перед зеркалом” — таким был, по словам Бодлера, девиз денди, и в этом есть своя последовательность. Денди — оппозиционер по своему предназначению. Он держится только благодаря тому, что бросает вызов. До сих пор творение получало свою целостность от творца. С того момента, когда денди освятил свой разрыв с творцом, он отдал себя на волю текущим минутам и дням, своей рассеянной восприимчивости. Следовательно, надо взять себя в руки. Денди добивается собранности и выковывает свою целостность благодаря все той же силе отказа. Беспутный в качестве человека без правил, он обретает цельный облик в качестве персонажа. Но персонаж предполагает зрителей; денди может представить себя, лишь представая перед кем-то. Он убеждается в собственном существовании только благодаря тому, что видит его отражение на лицах других людей. Они для него — зеркало. Правда, зеркало, быстро тускнеющее, поскольку способность ко вниманию у человека ограничена. Поэтому необходимо то и дело будить внимание, прищипывая его провокациями. Таким образом, денди вынужден постоянно удивлять. Его призвание — в его неповторимости, а способ самосовершенствования — повышение собственной ценности. Всегда в состоянии раскола, всегда на обочине, он заставляет других творить самого себя, отрицая их ценности. Он играет собственную жизнь, поскольку не может ее прожить. Он играет ее до самой смерти, за исключением тех минут, когда он оказывается наедине с самим собой без зеркала»¹⁰⁷.

Блестящая характеристика. Но к кому она относится, к Бодлеру или в большей степени к самому Камю? Поистине Бодлер не выступает перед зеркалом, он сам — зеркало, и каждый читатель видит в нем прежде всего себя. Этот эффект не так уж часто встречается и совсем не свидетельствует о бесцветности и неуловимости Бодлера как личности.

¹⁰⁶ Бахтин М. М. *Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике* // Бахтин М. М. *Литературно-критические статьи*. М., 1986. С. 234–235.

¹⁰⁷ Камю А. *Бунтующий человек*. М., 1990. С. 157–158.

Тезаурусный анализ мнений, высказывавшихся о Бодлере в Европе и России, позволяет прийти к выводу, что здесь возникла особая ситуация: Бодлер не совпал со своим временем в его основных проявлениях. Он ярко воплотил черты переходного периода — рубежа XIX–XX веков, живя в ту стабильную эпоху, когда переходность существовала как тенденция в свернутом, неявном виде. В личной жизни это проявилось как маргинальность, тяга к нарушению привычных норм существования, так поражавшая мать, отчима и других близких Бодлеру людей. Если же характеризовать его поэзию в контексте литературного процесса, ее можно определить как переход к переходности.

В самом деле, переходность при всей своей зыбкости, неуловимости имеет определенную форму. Для Бодлера поиск новых форм поэзии не слишком характерен (хотя Л. Н. Толстой утверждал обратное). Напротив, он очень любит традиционные жанры (особенно сонет), размеры, ему не сравниться с Верленом или Рембо в звукописи или многоцветье красок. Главная сфера эксперимента для него не поэтическая форма, а поэтическая мысль. Именно здесь осуществляется тот переход от анализа к синтезу, который приобретает всеобъемлющий характер у поэтов рубежа XIX–XX веков.

В чем же состоит его новая идея? Для этого важно вспомнить, в чем заключалась господствующая поэтическая идея его времени. Она была романтической, то есть выражала представление о двоемирии, противопоставленности идеала и действительности и реализовывалась в антитезе как главной особенности поэтического мышления. Бодлер в свою картину мира вносит великий закон аналогии, и его главным художественным средством становится не антитеза, а уподобление.

Великий закон аналогии был сформулирован в «Изумрудной скрижали» Гермеса Трисмегиста: «То, что находится внизу, аналогично тому, что находится сверху. И то, что сверху, аналогично тому, что находится внизу, чтобы осуществить чудеса единой вещи»¹⁰⁸. Не случайно Гермес Трисмегист упоминается во «Вступлении» к «Цветам зла», при этом Бодлер использует далекую аналогию к имени легендарного богамудреца, создавая синтетический образ «Сатаны Трисмегиста».

На самом глубоком, философском уровне Бодлер абсолютно непротиворечив. Шекспировские ведьмы в «Макбете» заклинали: «Зло есть добро, добро есть зло». Это вполне бодлеровская мысль. Для него зло есть добро и наоборот, жизнь есть смерть и наоборот, красота есть безобразие и наоборот, любовь есть ненависть и наоборот, страдание

¹⁰⁸ Цит. по: Странден Д. Герметизм, его происхождение и основные учения (сокровенная философия египтян). М., 1991. С. 16.

есть радость и наоборот, чистота есть разврат и наоборот — поистине «то, что находится внизу, аналогично тому, что находится сверху».

Поначалу свой сборник Бодлер называет «Лесбиянки» — здесь только маргинальность и ничего больше. «Цветы зла» — это название, отражающее закон аналогии. Точно так же — «Сплин и идеал», «Ликующий мертвец». И его «поэмы в прозе» реализуют принцип соответствия верха и низа, поэзии и прозы. Есть и более сложные переходы: рай–земля, земля–натура, натуральное–искусственное, так возникает название «Искусственный рай».

Бодлер много пишет о романтиках, он переводит Эдгара Алана По. Ломброзо в книге «Гениальность и помешательство», рассматривая Бодлера среди «поврежденных гениев», отмечал, что, по-видимому, сходство в природе и стиле влекло его к подобным гениям-безумцам По и Гофману¹⁰⁹. Но в свете принципа отдаленных аналогий скорее можно говорить об их противоположности.

Глубинному единству, лежащему в основе поэтического мышления Бодлера, соответствует художественный прием сравнения (уподобления): это — как то.

Наиболее ярко этот прием использован в стихотворении «Падаль», которое поэтому и воспринимается как программное: полуистлевшая лошадь подобна «девке площадной» (полной жизни, бесстыдно притягивающей к себе взоры); куски скелета подобны большим цветам; мертвое тело вздымается, как будто что-то живое дышит; красавица тоже будет таким трупом, но образ этого трупа в сознании поэта сольется с образом красоты и бессмертия.

Если в «Падали» великий закон аналогии находит наиболее яркую образную форму, то в стихотворении «Соответствия» поэтическая мысль выражена наиболее прямо и последовательно, почти не облакаясь в одеяния образов: «Перекликаются звук, запах, форма, цвет...».

Однако переход к переходности никогда не может быть умиротворенным и гармоничным. Мы говорили о самом глубоком пласте поэзии Бодлера. Она подобна океану. В его глубинах вечный покой. Чем ближе к поверхности, тем меньше спокойствия. А на поверхности редкие штитли чередуются с частыми бурями, настоящими ураганами, несущими разрушение и смерть.

Точно так же верхний слой поэзии Бодлера необычайно драматичен, конфликтен, неблагополучен. Можно заметить в стихотворении «Падаль» иронию. Она — из верхнего слоя, где мысль о единстве мира

¹⁰⁹ См.: Ломброзо Ц. Гениальность и помешательство. СПб., 1892. С. 179.

противоречит чувствам, которые могут уподобить труп цветам только в шутку.

*В. П. Трыков,
А. Р. Ощепков*

ФРАНЦУЗСКАЯ «РОССИКА»: ОСОБЕННОСТИ ПОНИМАНИЯ РОССИИ

Научное изучение на Западе истории и культуры России началось еще в XVIII столетии.

Так, например, во Франции первые исторические труды о России появились в конце XVIII века («История России» Левека, 1782; работы Леклерка «История древней Руси», 1783–1784, и «История новой России», 1783–1785). XIX столетие пополнило западную «россику» многочисленными статьями, брошюрами, трактатами о России¹¹⁰. В конце XIX века начался новый этап серьезного изучения русской истории, культуры и литературы во Франции, связанный с именами А. Леруа-Больё, Л. Леже, М. де Вогюэ, А. Рамбо, А. Мазона, А. Лиронделя. Наиболее значительным из написанного на эту тему во Франции были две фундаментальные работы французского историка и публициста А. Леруа-Больё «Империя царей и русские» (1881–1885) и «Франция, Россия и Европа» (1888).

На рубеже XIX–XX веков расширяется преподавание русского языка и литературы во французских университетах, возникает несколько научных обществ, ставивших своей целью изучение России. В 1898 г. в Париже было основано «Франко-русское общество», издававшее журнал «Рёвю дез этюд рюс» (1899—1900), переименованный позже в «Рёвю дез этюд франко-рюс» (1910—1911). Журнал публиковал хронику франко-русских политических и культурных контактов, печатал историко-литературные статьи, переводы русских писателей. Главным редактором этого издания был Шарль де Ларивьер, перу которого принадлежала одна из первых в XX веке французских работ, посвященных проблеме русско-французских культурных связей, книга «Франция и Россия в XVIII веке. Исследование француко-русских исторических и литературных связей»¹¹¹. Опираясь на неопубликованные архивные материалы

¹¹⁰ См., напр., Paris L. Histoire de Russie. P., 1832; Chopin J.-M. Russie: En 2 v. P., 1838; Lamartine A. de. Histoire de la Russie. P., 1855; etc.

¹¹¹ Larivière Ch. de. La France et la Russie au XVIII-e siècle. Etudes d'histoire et de littérature franco-russe. P.: Librairie Le Soudier, 1909.

из архивов Министерства иностранных дел Франции и новые для того времени российские публикации (изданные в Москве в 1879–1887 гг. Архивы князя Воронцова, опубликованные в Санкт-Петербурге в 1874 г. «Дневники» Храповицкого и т. д.), Ларивьер освещает некоторые мало изученные эпизоды из истории русско-французского культурного диалога (Екатерина II и д'Аламбер, Екатерина II и Бюффон, восприятие Екатериной II комедии Бомарше «Женитьба Фигаро» и т. д.).

Весьма интересным был раздел, в котором говорится о восприятии России известным французским экономистом, теоретиком школы физиократов Мерсье де ля Ривьером, прибывшим в Россию по приглашению Екатерины II в 1767 г.¹¹². Однако в целом Ларивьер больше внимания уделяет не анализу образа России, каким он сложился в сознании французских писателей и путешественников XVIII в., а обстоятельствам их пребывания в России, их взаимоотношениям с Екатериной II. Некоторые эпизоды книги напоминают скорее исторические анекдоты, нежели серьезные научные разыскания.

Собственно Ларивьер и сам рассматривает свою книгу как собрание подготовительных материалов для последующей большой, обобщающей работы о русско-французском диалоге. «...Перед тем как предпринимать большое обобщающее исследование о том, как европейская цивилизация проникала в Россию, привнося сюда кое-что из своей духовной культуры, необходимо создать специальные очерки или монографии о выдающихся французских и русских деятелях, которые тем или иным образом внесли свой вклад в это дело»¹¹³.

Проблему рецепции России во французской литературе XVI–XVII веков затронул в своей книге «Славянский мир и французские классики в XVI–XVII веков» французский ученый Абель Мансуи¹¹⁴. В книге А. Мансуи из пятнадцати разделов «русской теме» посвящен лишь один, последний — «Россия и французская литература XVII века», хотя некоторые сведения о том, какие упоминания о России встречаются у Рабле и Монтеня, содержатся и в других разделах книги. Однако основное внимание уделено XVII веку. А. Мансуи собрал те немногочис-

¹¹² См., напр., письмо Мерсье де ля Ривьера аббату Рейналю, в котором он писал: «Мой дорогой аббат, все еще предстоит создать в этой стране, а точнее говоря, все предстоит разрушить и создать заново. Вы прекрасно знаете, что невозможно, чтобы ничем не ограниченная власть деспота, абсолютное рабство его подданных, невежество не породили бы злоупотреблений разного рода, глубоко пустивших корни <...>» (Larivière Ch. de. Op. cit. P. 99).

¹¹³ Larivière Ch. de. Op. cit. P. XII.

¹¹⁴ Mansuy A. Le monde slave et les classiques français aux XVI–XVII siècles. P.: Librairie Ancienne Honoré Champion, éditeur, 1912.

ленные пассажи и упоминания о Московии, которые смог обнаружить в произведениях А. де Сент-Амана, Сирано де Бержерака, в переписке Ж. Расина. А. Мансуи заключает, что почти никто из крупных французских писателей XVII века не обращался к «русской теме» в своем творчестве, что о России не было написано ни одной книги. Никто из них не знал русского языка и никогда не бывал в России.

Несколько подробнее рассказано о том, какие реалии русской жизни нашли отражение в путевых записках первооткрывателя Московии для французов, офицера и авантюриста Ж. Маржерета, мемуарах и дневниках литераторов второго ряда — Реньяра, Ла Нёвилля, Данжо.

Вряд ли можно утверждать, что книга Мансуи исследует образ России во французском литературном сознании XVI–XVII веков. Она скорее лишь констатирует, что никакого сколько-нибудь отчетливого образа России в литературном сознании Франции XVII века еще не сложилось. «Когда какой-нибудь автор решался говорить о Московии, то чаще всего лишь случайно и почти всегда поверхностно», — заключает Мансуи¹¹⁵.

Полемической по отношению к концепции Мансуи стала статья Г. Лозинского «Россия во французской литературе средних веков», опубликованная в парижском журнале «Рёвю дез этюд слав» в 1929 г.¹¹⁶. Автор ставит цель — «уточнить, какими были представления о России во французском средневековом сознании, как они формировались и распространялись, какое отражение они нашли в литературе той эпохи»¹¹⁷. Материалом, на основании которого делаются выводы, стали французские поэмы, романы, хроники и научные трактаты XII–XIII веков. Г. Лозинский опровергает широко распространенное в науке начала XX века представление, согласно которому до XVI столетия о России ничего не было известно на Западе. Автор статьи доказывает, что первые упоминания о русских в западных хрониках относятся к IX в., а в X веке первые западные путешественники отважились посетить русские земли. Анализ памятников французской средневековой литературы позволяет Г. Лозинскому сделать вывод о том, что Русь вовсе не была для французских писателей и эпохи Средневековья «terra incognita» и что представления о России в средневековой Франции, вопреки устоявшемуся мнению, не были «весьма неопределенными» и фантастическими. «Для средневековых писателей или ученых Русь не была сказочной

¹¹⁵ Ibid. P. 475.

¹¹⁶ Lozinski G. La Russie dans la littérature française du Moyen âge // Revue des études slave. 1929. Т. IX. № 1–2. P. 71–88; 253–269.

¹¹⁷ Lozinski G. Op. cit. P. 72.

страной, но территорией, расположенной в совершенно определенной части Европы», — утверждал автор статьи¹¹⁸.

В начале 1950-х годов во французской компаративистике намечается поворот от традиционного для сравнительно-исторического литературоведения изучения контактов между различными национальными литературами и их взаимовлияний к исследованию образа иной страны, ее народа и культуры, каким он складывается и существует в инациональном литературном сознании. Зачинателем этого «переворота» стал французский литературовед-компаративист Мариус Франсуа Гийяр, автор книги «Сравнительное литературоведение»¹¹⁹. М.-Ф. Гийяр ступает в полемику с американскими компаративистами, сосредоточившимися на изучении литературным влияний. «Изучение влияний часто обманчиво и разочаровывает», — писал Ф.-М. Гийяр¹²⁰. Ученый полагал, что когда речь идет о конкретном писателе, изучение того, кто из иностранных авторов привлекал его внимание и оказал на него влияние, может быть плодотворным, поскольку «описать круг литературных предпочтений писателя значит отчасти описать его самого»¹²¹. Однако когда предпринимаются попытки выявить влияние целой национальной литературы на другую, то здесь неизбежны спекуляции, произвольные построения, т. к. для честного наблюдателя нация и национальная литература — слишком сложное образование, не редуцируемое к простому единству. «Чем больше социальная группа в сознании которой формируется образ той или иной страны, тем больше опасность упрощения я этого образа, сведения его к схеме, карикатуре»¹²². Вывод, который делает М.-Ф. Гийяр: «Не будем больше прослеживать и изучать иллюзорные влияния одной литературы на другую. Лучше попытаемся понять, как формируются и существуют в индивидуальном или коллективном сознании великие мифы о других народах и нациях... В этом залог обновления компаративистики, новое направление ее исследований»¹²³.

Призыв М.-Ф. Гийяра был услышан французским литературоведением: вскоре во Франции появятся серьезные исследования, объектом которых станет образ России во французском культурном сознании разных эпох (прежде всего XVIII и XIX веков).

¹¹⁸ Ibid. P. 71.

¹¹⁹ Guyard M.-F. *La littérature comparée*. P.: PUF, 1951.

¹²⁰ Ibid. P. 25.

¹²¹ Guyard M.-F. *Op. cit.* P. 28.

¹²² Ibid.

¹²³ Ibid.

Монография французского историка Альбера Лортолари — «Русский мираж во Франции в XVIII веке»¹²⁴, несмотря на то, что она была опубликована более полувека тому назад, остается книгой, мимо которой не прошел ни один исследователь, занимавшийся этой проблемой.

На обширном материале А. Лортолари раскрыл генезис, структуру и функционирование во Франции эпохи Просвещения мифа о России, созданного французскими просветителями (Фонтенелем, Вольтером, Дидро и др.). Как показал Лортолари, важнейшими компонентами этого мифа были легенды о Петре I — преобразователе России, в одночасье выведшем страну из тьмы варварства на путь цивилизации, и продолжательнице его дела Екатерине II, воплощавшей просветительскую концепцию просвещенной монархии (просвещенного абсолютизма) и вся политика которой вдохновлялась уроками просветителей.

Миф о России, по мысли Лортолари, был плодом фантазии просветителей и служил в качестве доказательства их концепции прогресса. Россия, преодолевшая свою отсталость, подавалась как пример для подражания западным странам, которых она обогнала в своем движении к цивилизации.

Лортолари впервые во Франции дал анализ записок французских путешественников, дипломатов, ученых, побывавших в России в XVIII веке (Бернардена де Сен-Пьера, Лемерсье де ля Ривьера, Клода Рюльера, Жана Шапп д'Отроша).

Продолжателями традиции Лортолари во французской «Россике» стали М. Кадо и Ш. Корбе. Монография французского историка Мишеля Кадо «Россия во французской интеллектуальной жизни: 1839–1856»¹²⁵ представляет собой серьезное исследование исторического и культурологического характера, в котором дана широкая картина того, как русский фактор присутствовал в культурной жизни Франции указанного периода. Книга содержит ценные и обширные сведения о русских эмигрантах во Франции (Н. И. Тургеневе, И. Г. Головине, Н. И. Сазонове, М. А. Бакунине, А. И. Герцене, о русских салонах в Париже, о специфической (шпионской) деятельности А. И. Тургенева и Я. Н. Толстого во Франции и т. д.). Особенно интересной представляется глава о французских путешественниках в Россию (ученых, туристах, музыкантах, литераторах, дипломатах), оставивших свои свидетельства, путевые записки или воспоминания о поездке в нашу страну, краткая характеристика или небольшие очерки о которых даны в монографии. Особое внимание М. Кадо привлекла фигура А. де Кюстина, его поездка в Россию и памфлет

¹²⁴ Lortholary A. Le Mirage russe en France au XVIII siècle. P.: Boivin, 1951.

¹²⁵ Cadot M. La Russie dans la vie intellectuelle française; 1839–1856. P.: Fayard, 1967.

«Россия в 1839 году». Подробному изучению обстоятельств этой поездки, анализу некоторых тем кюстиновской книги (образы Санкт-Петербурга и Москвы в «России в 1839 году») и обстоятельному обзору откликов на произведение Кюстина в России и в Западной Европе посвящены две главы монографии.

Однако, несмотря на богатейший и интереснейший материал, собранный в книге, она лишь в небольшой своей части затрагивает проблему восприятия России французским литературным сознанием. Этой теме посвящен небольшой в пять страничек очерк под названием «Бальзак или украинский мираж», такие же коротенькие и в значительной степени описательные «заметки», иногда в несколько страничек, о визитах французских литераторов виконта Арленкура, А. Мериме, Ш. де Сен-Жюльена в Россию и их путевых записках (показательно, что все это помещено в раздел «Французские туристы в России»).

В первой части монографии М. Кадо реконструирует не образ России во французском литературном и шире культурном сознании, но картину русско-французских культурных контактов за период с 1839 по 1856 гг. Вторая часть значительно ближе подходит к теме «Россия в культурном сознании Запада». В ней материал группируется вокруг трех основных тем:

1) «Россия во времени» («*La Russie temporelle*») — анализ представлений французов о географии, климате и общественном устройстве России;

2) «Культура России» («*La Russie spirituelle*»), где анализируются представления французов о религиозной жизни в России и русской литературе;

3) «Россия и Запад» («*La Russie et l'Occident*») — Польша, Россия и панславизм; Россия, Европа и революция 1848 г.

Однако монография Кадо — скорее историческое или культурологическое, но не литературоведческое исследование. В ней произведения литературы, литературный материал — лишь источник информации для ученого-историка, воссоздающего панораму русско-французских культурных связей. Кадо не интересуется художественный образ России, каким он создан французскими писателями XIX века.

В такой же манере написана и вышедшая в том же 1967 г. книга другого французского ученого Шарля Корбе «Французское общественное мнение перед лицом русской незнакомки»¹²⁶. Если М. Кадо интересовал прежде всего вопрос о том, как русский фактор присутствовал и

¹²⁶ Corbet Ch. *L'Opinion française face à l'inconnue russe (1799–1894)*. P.: Didier, 1967.

функционировал во французской общественной и культурной жизни середины XIX века, то Ш. Корбе исследует формирование и трансформацию образа России во французском общественном сознании на протяжении всего XIX века. При этом русская тема во французской литературе — лишь один (и не самый важный) исследовательский сюжет в работе Ш. Корбе. Значительное место в монографии занимает анализ французской публицистики, научных исторических трудов, публикаций в периодической печати, поднимавших русскую тему. Монография Ш. Корбе — своеобразный компендиум, в котором дан аналитический обзор почти всего, что было написано о России во Франции в XIX веке.

Работы Кадо и Корбе, являясь имагологическими по тематике, не являются таковыми по своим методологическим подходам. М. Кадо и Ш. Корбе демонстрируют свойственную позитивизму высокую культуру скрупулезного собирания и тщательного описания фактов. Оба французских исследователя рассматривают «русский фактор» прежде всего в его обусловленности социокультурной и политической ситуацией во Франции. Особенно объемно это сделано в монографии Ш. Корбе, показавшего борьбу и колебание во французском общественном сознании XIX века двух тенденций, векторов восприятия России (русофильского и русофобского) в зависимости от изменения политической конъюнктуры во Франции.

Однако ни у М. Кадо, ни у Ш. Корбе трансформация образа России во Франции не показана как результат тех сдвигов, которые происходили в культурном сознании эпохи.

Ближе к решению этой задачи подошел американский историк и культуролог Лари Вульф в своей книге «Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения», изданной в 1994 г.¹²⁷ Это интересная и тщательная реконструкция концепции Восточной Европы, как она складывалась в трудах западноевропейских просветителей (прежде всего Вольтера) на протяжении XVIII века.

Вульф руководствуется постструктуралистской методологией (не случайно на страницах книги не единожды встречается имя Мишеля Фуко). С точки зрения автора, Восточная Европа есть интеллектуальный конструкт — изобретение Европы Западной, результат взаимодействия различных дискурсов XVIII века (литературного, исторического, философского, публицистического и т. д.).

Для Вульфа изобретение Восточной Европы — часть более широкого проекта самоидентификации Запада, его попыток в эпоху Просве-

¹²⁷ Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое лит. обозрение, 2003.

щения четче обозначить собственную систему ценностей, описать свои специфические черты, отличающие его в культурном отношении не только от далекой Азии, но и от соседней восточной Европы.

В книге Л. Вульфа особенно интересны разделы, посвященные образу России в произведениях европейских писателей восемнадцатого столетия (Вольтер, Монтескье, Руссо, Дидро и др.). Центральным в этом отношении представляется раздел «Россия в сочинениях Вольтера» и разделы, посвященные анализу путевых записок западноевропейских путешественников, дипломатов, авантюристов, в которых они зафиксировали представления о России XVIII века (граф де Сегюр, Д. Казанова, У. Кокс, маркиз де Салаберри и др.). Л. Вульф убедительно показал, как под пером Вольтера создавался просветительский миф о России как государстве, выполняющем просветительскую и объединяющую роль в Восточной Европе. Вместе с тем существовали и другие мифы о России в эту эпоху — например, миф о «варварстве» русских (Сегюр, Салаберри и др.).

«Две Европы, Восточная и Западная, были изобретены сознанием XVIII века одновременно, как две смежные, противоположные и взаимодополняющие концепции, непредставимые друг без друга», — заключает автор¹²⁸. В монографии показано, как прогрессистский миф о России, у истоков которого стояли Фонтенель и Вольтер, определил взгляд на Россию французских путешественников, дипломатов, тех, кто (в отличие от Вольтера и Фонтенеля) посетил эту страну и описывал ее, руководствуясь собственными впечатлениями, а не полученными из разных источников сведениями. Правда, эти впечатления не были абсолютно непосредственными. В их описании заметно влияние вольтеровского мифа о России, яркой иллюстрацией чему могут служить «Мемуары» графа де Сегюра, французского посла при дворе Екатерины II.

В книге Л. Вульфа образ России, каким он сложился в общественном сознании Европы XVIII в., представлен как ментальный конструкт, продукт фантазий и интеллектуальных игр французских просветителей. При всей обстоятельности книги Вульфа, ее насыщенности фактами, аналитическими комментариями и анализами конкретных литературных текстов очевидна небеспристрастность ее автора. Автор владеет искусством быть пристрастным при внешней, кажущейся беспристрастности, объективности, научности.

Сама концепция вульфовского труда, его главная мысль, что Восточная Европа — всего лишь некий интеллектуальный конструкт, мыс-

¹²⁸ Вульф Л. Указ. соч. С. 37.

лительная проекция Западной Европы, — сохраняет и утверждает за Восточной Европой (и Россией как ее частью) статус чего-то производного, вторичного, периферийного, в конечном счете, несамобытного и «второсортного» в культурном отношении. Казалось бы, с сожалением фиксируя в книге некий «комплекс превосходства» западноевропейцев по отношению к России, Л. Вульф в действительности всем пафосом своей работы этот комплекс поддерживает и культивирует. Ведь речь в книге идет не просто о том, как Западная Европа воспринимала те территории и народы, что лежали к востоку от Вислы.

Такая постановка вопроса была бы вполне нейтральна и не содержала бы в себе скрытого идеологического заряда. В конце концов, диалог культур — явление закономерное. Западная Европа в XVIII веке создала свой образ России, точно так же, как Россия создала в тот же период свой образ Западной Европы. В этом нет ничего такого, что ставило бы одну страну или нацию в подчиненное положение по отношению к другой. Однако Л. Вульф ведет речь о другом. Его интересует не проблема рецепции Восточной Европы (России) западным культурным сознанием, а акт «изобретения» Западом Востока. В такой трактовке Запад выступает по отношению к Восточной Европе и России не просто рецепиентом, пусть и активным как всякий рецепиент, трансформирующим, преобразующим воспринимаемый объект в соответствии с собственной системой понятий, представлений и ценностей, но «демиургом», творящим этот самый объект, дающим ему смысл и жизнь.

Западное литературоведение зачастую отнюдь не беспристрастно в своем анализе дискурса о России. Примером может служить статья современной французской исследовательницы Франсины-Доминик Лиштена «Миф о России, или Философический взгляд на вещи»¹²⁹. Начало статьи представляет собой краткое изложение концепции «русского миража» А. Лортолари. Правда, почему-то без сноски на его книгу и даже без упоминания имени французского ученого.

Далее Ф.-Д. Лиштена утверждает, что Ж.-Ж. Руссо в «Общественном договоре» «отказал императору Петру Великому <...> в каких бы то ни было талантах»¹³⁰. Ничего подобного нельзя обнаружить в трактате Руссо. Французский мыслитель, действительно, считал, что «Петр обладал талантами подражательными, у него не было подлинного гения, того, что творит все из ничего. Кое-что из сделанного им было хорошо,

¹²⁹ Лиштена Ф.-Д. Миф о России, или Философический взгляд на вещи // Пинакотекка. 2002. № 13/14. С. 36–41.

¹³⁰ Там же. С. 36.

большая часть была не к месту»¹³¹. Как видно из приведенной цитаты, оценка личности и деятельности Петра I у Руссо не столь однозначна, как это представлено в статье Ф.-Д. Лиштенан и, уж во всяком случае, автор «Общественного договора» не отказывал Петру «в каких бы то ни было талантах». Уместнее было бы сослаться на предшествующий пассаж Руссо о русском народе в целом: «У народов, как и у людей, существует пора юности или, если хотите, зрелости, которой следует дожидаться, прежде чем подчинять их законам. Но наступление зрелости у народа не всегда легко распознать; если же ввести законы преждевременно, то весь труд пропал. Один народ восприимчив уже от рождения, другой не становится таковым и по прошествии десяти веков. Русские никогда не станут истинно цивилизованными, так как они подверглись цивилизации чересчур рано»¹³². Именно после этих слов и в связи с затронутой здесь проблемой (а именно: усвоение народом системы законов) следует размышление Руссо о Петре.

Ниже Ф.-Д. Лиштенан утверждает, что Вольтер согласился написать «Историю Российской империи» «по источникам, навязанным ему русским двором»¹³³. И опять неточность. Как убедительно показал в своей монографии А. Лортолари, подробно, на основании документов реконструировавший историю создания Вольтером вышеупомянутой книги, не русский двор «навязывал» Вольтеру источники, а Вольтер настойчиво требовал и с нетерпением ждал материалы, присылаемые ему с задержкой из России (прежде всего мемуары Лефорты)¹³⁴.

Показательно, что основное внимание в статье Ф.-Д. Лиштенан уделено «Путешествию в Сибирь» аббата Шаппа д'Отроша. Исследовательница не первой обращается к фигуре Шаппа д'Отроша: небольшой раздел о нем находим у А. Лортолари¹³⁵. Однако оценка места и значения «Путешествия в Сибирь» у А. Лортолари и Ф.-Д. Лиштенан различны. С точки зрения последней, «Шапп нанес серьезный удар по тем идеальным конструкциям, которые возводили философы (имеются в виду французские просветители, прежде всего Вольтер, видевшие в России образец просвещенного абсолютизма и пример для Запада — *Авт.*): он развенчал российскую абсолютную монархию»¹³⁶. Автор статьи полагает, что сочинение Шаппа д'Отроша «подвело предварительные итоги многолетне-

¹³¹ Руссо Ж.-Ж. Общественный договор // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М.: Наука, 1969. С. 182. (Лит. памятники).

¹³² Там же.

¹³³ Лиштенан Ф.-Д. Указ. соч. С. 37.

¹³⁴ См. об этом подробнее: Lortholary A. Op. cit. P. 49.

¹³⁵ Ibid. P. 191–197.

¹³⁶ Лиштенан Ф.-Д. Указ. соч. С. 37.

го спора: творцам мифа о динамичной, современной «юной нации» Шапп напомнил о том, что в действительности эта нация живет под властью деспотизма, парализующего ее волю, а порой и оказывающего губительное воздействие на само ее существование»¹³⁷.

Странно, почему эта «заслуга» приписывается именно Шаппу д'Отрошу. Во второй половине — конце XVIII века целый ряд французских литераторов писали о российском деспотизме¹³⁸. Кроме того, не вполне понятно, как мог сыграть такую решающую роль в споре с крупнейшими французскими просветителями автор, под пером которого, по признанию самой Ф.-Д. Лиштенау, «история России сводилась к сборнику анекдотов»¹³⁹.

Автор статьи пытается найти выход из этой ситуации, но ему это не слишком удается. «Впрочем, — пишет Ф.-Д. Лиштенау, — возможно, что и поверхностность Шаппа представляла собою одну из форм его полемики с философами»¹⁴⁰. Впрочем, заметим мы, при желании и необходимости, можно и глупость выдать за «одну из форм полемики» с умом.

Шапп д'Отрош не является сколько-нибудь значительной фигурой во французской культуре XVIII столетия. Почему же тогда книга второразрядного литератора оказалась в центре внимания Ф.-Д. Лиштенау? Не потому ли, что позиция аббата по отношению к России была не просто критической, но откровенно русофобской. Как замечает Ф.-Д. Лиштенау, «в отличие от Монтескьё, Шапп не считает дурные нравы русских плодом завоевания или смешения с народами еще более варварскими; нет, все перечисленные пороки, по его мнению, — неотъемлемая часть русского национального характера, вконец испорченного, “извращенного” веками деспотического правления»¹⁴¹.

Заметим, что аббат, писавший свои записки о России в 60-х годах XVIII века, сам представлял французов того времени, когда роскошь и растление нравов, распутство при дворе Людовика XV, жившего и правившего в соответствии с провозглашенным принципом «Après nous le déluge», стали притчей во языцех, вряд ли имел моральное право судить об испорченности и «извращенности» русского народа.

Свой дифирамб Шаппу Ф.-Д. Лиштенау завершает следующим пассажем: «Сочинителям-русофилам (заметим эту смену стилистики: те, кого теперь французская исследовательница называет «сочинителями» в

¹³⁷ Лиштенау Ф.-Д. Указ. соч. С. 38.

¹³⁸ См., напр., произведения Ж. Жюбе, Сабатье де Кабра, Ф. Локателли и др.

¹³⁹ Лиштенау Ф.-Д. Указ. соч. С. 41.

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ Там же. С. 39.

начале статьи были охарактеризованы как «блистательнейшие мыслители XVIII столетия» — *Авт.*) Шапп противопоставил описание эмпирической реальности; он не собирался дополнять и совершенствовать написанное философами, он ограничился тем, что подспудно их опроверг»¹⁴².

Действительно, как астроном и посредственный литератор, каким был Шапп д'Отрош, мог «дополнить или усовершенствовать» созданный великими умами эпохи Просвещения миф о России. Для этого нужно было бы обладать талантом, равновеликим таланту Вольтера, Дидро или Фонтенеля. За неимением такового, заслугу Шаппа Ф.-Д. Лиштенан видит в том, что он просветительскому мифу противопоставил «описание эмпирической реальности» русской жизни и тем «подспудно» якобы опроверг этот миф.

Не беремся судить, какой смысл вкладывает французская исследовательница в словосочетание «подспудно опроверг» (допускаем, что здесь имеет место неточность перевода на русский язык), но как «описании е эмпирической реальности» может разрушить миф, — это остается для нас загадкой. Миф может разрушить и вытеснить из общественного сознания только другой миф. Возможно, автор статьи хотел доказать, что Шапп д'Отрош в своем «Путешествии в Сибирь» создал такой миф, хотя точнее было бы сказать, что он лишь повторил задолго до него сложившийся в произведениях различных западных путешественников, торговцев, дипломатов и литераторов миф о «варварской», «дикой» и «деспотической» России.

Гораздо более взвешенной является оценка труда Шаппа д'Отроша в монографии А. Лортолари, писавшего: «Конечно, книга не лишена недостатков. Ее автор, как большинство его предшественников, считает, что единственным источником русского деспотизма является страх. Под покровом грубых суеверий он не разглядел настоящего религиозного чувства русских. Римский католик, он предубежден против этих ортодоксов. Наконец, как светский человек, он слишком большое значение придает манерам <...>, но «он рассказывает о том, что он видел» и «его книга была вполне искренней (“de bonne foi”»)¹⁴³. Как видно, в отличие от Ф.-Д. Лиштанен, А. Лортолари не преувеличивал масштабов фигуры аббата, достоинств и значения его записок о России, не представлял его ниспровергателем «русского миража», ставя его тем самым в один ряд с крупнейшими французскими просветителями. В оценке А. Лортолари, книга Шаппа д'Отроша — всего лишь искреннее сви-

¹⁴² Лиштенан Ф.-Д. Указ. соч. С. 41.

¹⁴³ Lortholary A. *Op. cit.* P. 197.

детельство о том, что тот увидел в России, но искреннее не значит правдивое или объективное. Заблуждаться тоже можно искренне.

И, наконец, об одной особенности стилистики статьи Ф.-Д. Лиштанен. «Петр I наводнил западную прессу сочинениями во славу своей империи»¹⁴⁴, «Петру I, а скорее пропаганде его восторженных наследников (или, вернее, наследниц) и их «просвещенных» сторонников, мы обязаны, по Шаппу, появлением легенды о современной России, сотворенной в соответствии с некоей программой, неким планом... России, которой на самом деле не существовало<...>»¹⁴⁵. «Наводнил», «пропаганда», «восторженные наследники», кавычки, в которые заключено слово «просвещенные», характеризующее сторонников Петра Великого, — все это так не соответствует стилю научной работы. Конечно, французская исследовательница имеет право на собственное отношение к Петру I, но, думается, что задача научной статьи под названием «Миф о России» — исследовать логику создания и функционирования этого мифа (пусть не того, что был создан Фонтенелем и Вольтером, ибо этот миф уже описан и проанализирован А. Лортолари, но другого, сотворенного Шаппом д'Отрошем). К сожалению, в статье Ф.-Д. Лиштанен эта задача не только не решена, но даже и не поставлена.

Подытоживая сказанное, можно утверждать, что приоритетное внимание западных (прежде всего французских) ученых в XX — начале XXI века уделено изучению произведений о России, написанных в XVIII веке в разных жанрах (путевые заметки, мемуары, научно-популярные очерки и т. д.). Наиболее значительные труды западной «россики» были сосредоточены на исследовании русско-французских литературных связей и культурных контактов. Поворот к имагологической проблематике произошел в начале 50-х годов XX века, но на начальном этапе исследования, в которых объектом изучения стал образ России в общественном сознании Франции (работы А.Лортолари, М. Кадо, Ш. Корбе), были еще тесно связаны с позитивистской методологией и традициями культурно-исторической школы. Имагологический подход к изучению проблемы утвердился позже¹⁴⁶.

¹⁴⁴ Лиштанен Ф.-Д. Указ. соч. С. 36.

¹⁴⁵ Там же. С. 40.

¹⁴⁶ Ярким образцом исследования имагологического характера не только по тематике, но и по методологии, стала книга американского историка Лари Вульфа «Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения» (1994), в которой образ Восточной Европы и России, каким он сложился в западном сознании XVIII века, трактуется лишь как результат взаимодействия различных дискурсов эпохи (литературного, научного, публицистического).

Мы смогли осветить лишь некоторые образцы французской «россики» последнего времени, но даже по этим отдельным примерам видно, что работы западных авторов, которые можно отнести к этому разделу литературоведения и культурологии, нередко далеки от научной объективности, латентно содержат в себе идеологический посыл, не демонстрируют глубокого понимания ни русской культуры и литературы как таковых, ни культурного диалога России и Европы, Запада в целом, проявляющегося во взаимоотражении литератур этих регионов.

Е. Г. Драгалкина-Черная

ИНДОКТРИНАЦИЯ КАК ИДЕНТИФИКАЦИЯ: ТЕЗАУРУСНЫЙ ПОДХОД¹⁴⁷

Образование, как полагал классик американской педагогики Дж. Дьюи, играет решающую роль в становлении человека как человека. «Все истинно человеческое, — пишет он, — усваивается индивидом в процессе обучения... Учиться быть человеком значит выработать в себе при помощи коммуникативной обратной связи самосознание индивидуально неповторимого члена сообщества — то есть того, кто понимает и разделяет присущие сообществу убеждения, устремления и методы и вносит свой вклад в дальнейшее преобразование органических сил в истинно человеческий ресурс, в истинно человеческие ценности» [1]. Демократия рассматривается Дьюи как образовательный принцип, а образование, в свою очередь, как предпосылка идентичности индивида в демократическом обществе. «Полноценная образованность, — убежден Дьюи, — находит место только в том случае, когда каждая личность принимает ответственное, сообразное своим способностям участие в формировании целей и политики социальной группы, к которой она принадлежит» [2].

Идентификация, понимаемая как процесс становления и трансформации индивидуальных и коллективных идентичностей [3], включает, однако, процедуру индоктринации, на первый взгляд несовместимую с нормативными принципами демократического образования. Индоктринация — это иррациональное убеждение, условием которого является доверие, а результатом — вера. Термин «индоктринация» появился в дискуссиях об образовании в двадцатых годах прошлого века благодаря В. Килпатрику, ученику Дж. Дьюи [4]. Ориентация демократического

¹⁴⁷ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант 07-03-00345а.

образования на знание и критичность, а не на веру и доверие приводит к ситуации, названной К.Макмилланом «парадоксом индоктринации». Как отмечает Макмиллан, «в современном демократическом обществе желательной целью обучения является развитие у каждого студента такой совокупности убеждений, которая была бы рационально обоснована и открыта для изменений в случае вызова со стороны более обоснованных убеждений. Для развития таких убеждений студенту необходима, однако, вера в рациональные методы познания, которая сама по себе не подлежит никакому сомнению, то есть принимается таким способом, который противоречит её собственному содержанию. Таким образом, студент должен быть индоктринирован для того, чтобы не быть индоктринированным: педагогическая дилемма или парадокс» [5]. Задача этой статьи — предложить разрешение «парадокса индоктринации» на основе тезаурусного подхода к знанию.

Тезаурус, как его определяют Вал. А. Луков и Вл. А. Луков, — это «форма существования гуманитарного знания, *он в слове и образе воспроизводит часть действительности, освоенную социальным субъектом (индивидом, группой)*» [6]. Тезаурусный подход осуществляет смену акцентов в трактовке знания, а именно, переход от понимания его как *продукта* когнитивной активности «гносеологического Робинзона» к истолкованию знания как *процесса* социально опосредованной интерпретации реальности. Как отмечал еще К. Поппер, настаивавший на публичном характере научной объективности, Робинзон мог бы вероятно организовать на своем острове лабораторию и описать результаты своих экспериментов, но принадлежность его деятельности науке была бы лишь кажущейся, поскольку никто не смог бы оценивать и критиковать его результаты. Не ведет ли, однако, неизбежность внерациональной процедуры индоктринации к отказу от признания публичной критикуемости решающим критерием объективности знания? Трактовка знания как социального института, характерная для тезаурусного подхода, позволяет обосновать отрицательный ответ на этот вопрос.

«Назначение понятия «тезаурус» в понятийной системе гуманитарных наук, — отмечают Вал. А. Луков и Вл. А. Луков, — выявляется тогда когда необходимо отразить *полноту* некоторого знания (информации), *существенного* для некоторого субъекта по некоторому основанию. Здесь сочетаются две важнейшие характеристики понятия: первая оставляет в тени, на периферии мыслительного акта измеряемые признаки информации (объем, мера) и обозначает лишь то, что информация полна, то есть по каким-то соображениям признана достаточной для каких-то целей. Полнота, таким образом, является здесь не количествен-

ной, а качественной характеристикой» [7]. Качественный подход к истолкованию полноты знания сближает, на мой взгляд, понятие тезауруса с феноменологической категорией «жизненного мира».

Согласно Э. Гуссерлю, «жизненный мир» — это некие допредикативные, дорефлексивные структуры, пассивное приятие которых не предполагает какой-либо критической активности сознания его обитателей. Исходная картина мира — «домашний мир» в терминологии Гуссерля — унаследованная «система нормальности», почва и горизонт само собой разумеющихся данностей. «Система нормальностей» обладает именно «качественной полнотой» ориентационной системы, основания действия. Характеризуя «жизненные миры» как горизонтные возможности, Гуссерль отмечает: «Повсюду к этим возможностям примешивается некое *Я могу* и *Я делаю*, или *Я могу иначе, чем делаю*, несмотря на то, что эта свобода, как и любая другая всегда может встретить препятствия. Горизонты представляют собой заранее очерченные потенциальности» [8].

Любое реальное единство есть, по Гуссерлю, единство смысла, предполагающее смыслопорождающее сознание. «Можно сказать, — утверждает он, — что предмет — это полюс тождественности, который постоянно осознается вместе с заранее полагаемым и подлежащим осуществлению смыслом; для каждого момента сознания он знаменует собой некоторую соотносящуюся с его смыслом ноэтическую интенциональность, которая может быть исследована и истолкована» [9]. Ноэтическое (многообразие смыслов, предполагаемых предметных значений) коренится, по Гуссерлю, в ноэтическом (интенционально-конститутивных актах сознания). «Неопределенно общий смысл мира и определенный смысл его компонентов, — пишет он, — есть нечто, что мы познаем в процессе восприятия, представления, мышления, обыденной жизни, то есть нечто «конституированное» в том или ином субъективном синтезе» [10].

Субъективное конструирование реальности имеет историческое измерение. «Нельзя, — как отмечают П. Бергер и Т. Лукман, — сконструировать субъективную реальность *ex nihilo*. Проблема в том и заключается, что уже интернализованная реальность имеет тенденцию продолжать свое существование. Любое новое содержание, которое теперь нужно интернализировать каким-то образом, должно накладываться на уже существующую реальность. Поэтому возникает проблема согласованности между первичной и новой интернализациями» [11]. Историчность «жизненного мира» — одна из ведущих тем трансцендентальной феноменологии Гуссерля, исходящей из трансцендентального характера

культурных новаций, то есть из того факта, что эти новации меняют сами «конститутивные системы» нормальных обывателей «жизненных миров». В связи с «парадоксом индоктринации» особый интерес представляет анализ Гуссерлем «профессиональной историчности», то есть обратного влияния миров профессиональной науки на «домашний мир». У «цивилизованных» людей, которые сосуществуют в одной культуре с «нецивилизованными», вещи и практики «особых миров» науки входят в их «домашний мир», становятся «доверительно знакомы» как, скажем, мобильный телефон, ноутбук или Интернет. При этом воздействие «особых миров» науки на донаучный мир может, по Гуссерлю, носить характер «вмешательства» — сознательного воздействия профессионалов, например, в форме индоктринации, и «втекания» — незаметного проникновения научных практик в «жизненный мир», превращающего их в «естественную» почву для новых практик и открытий. Таким образом, в перспективе «профессиональной историчности» индоктринация представит как законный, но далеко не единственный путь образования, дополняемый «снизу» естественным «втеканием» миров науки в «домашние миры» «цивилизованного» человечества, а «сверху» — рефлексией, ограничивающей их абсолютистские претензии.

Применяя категорию «жизненного мира» к классической науке, Гуссерль неоднократно отмечал необоснованность её объективистских претензий. «Причина затруднений рациональной культуры, — полагал он, — заключается ... не в сущности самого рационализма, а в его *овнешнении*, в его извращении “натурализмом” и “объективизмом”» [12]. Объективистская установка парадоксальным образом ведет к скептицизму и релятивизму, поскольку на деле предполагает онтологизацию «жизненных миров» и, как следствие, отрицание рациональных оснований для их критического сопоставления. Каждый «жизненный мир», становясь «символической стратегией» социального действия (термин П. Бурдьё [13]), оправдывается своей практической эффективностью.

«Действующее лицо, пребывающее внутри социального мира, — как отмечает А. Шюц, — переживает его прежде всего как поле своих актуальных и возможных действий и лишь во вторую очередь как объект своего мышления... Всё, что ему нужно, это такое *дифференцированное знание* релевантных элементов, в котором степень желаемого знания коррелировала бы со степенью их релевантности» [14]. Поэтому человек «может одновременно считать одинаково верными фактически несовместимые друг с другом утверждения. Как отец, гражданин, служащий и член своей церковной конгрегации он может иметь самые разные и сколь угодно не совпадающие друг с другом мнения по нравст-

венным, политическим или экономическим вопросам. Эта несогласованность не обязательно следствие какой-то логической ошибки. Просто человеческая мысль вовлекает в сферу своего внимания содержания, расположенные на различных и имеющих разную релевантность уровнях, и люди не сознают те модификации, которые происходят с этими содержаниями при переходе с одного уровня на другой» [15]. Выбирая в качестве основания своего действия одну из частных «символических стратегий», субъект принимает лишь обусловленные ею частные обязательства. Однако признание сугубо прагматического характера этого выбора как простого выражения лояльности по отношению к некоторому культурному сообществу, не только превращает реальность в «социальный конструкт», но и ставит под сомнение целостность самого субъекта выбора, «жизненный мир» которого распадается на множество «не-соизмеримых» символических реальностей — «реальность нации», «реальность гендера», «профессиональную реальность», «конфессиональную реальность». Не случайно перед лицом угрозы демократическим ценностям в ситуации мировой войны 1914 г. Дж. Ройс выдвигает принцип «лояльности к лояльности». Необходимо, — полагает теоретик классической американской демократии, — «так выбирать благое дело и так служить ему, чтобы благодаря этому выбору и этой службе лояльность в мире возрастала, а не уменьшалась. Иными словами, так выбирать и так служить своему собственному делу, чтобы обеспечить максимально возможный рост лояльности среди людей. Более кратко: *В выборе и в служении делу, которому ты предан, будь в любом случае лоялен к лояльности*» [16].

Именно через «лояльность к лояльности» критичность и рефлексивность приходят в «домашние миры» культуры. «Лояльность к лояльности» означает, по сути, рефлексию субъектом оснований выбора своей «символической стратегии». Отрицание возможности такой рефлексии проблематизирует рациональность этого выбора и, более того, самоидентификацию его субъекта. Отрицание возможности рефлексии в отношении какого-либо вида опыта вообще Гуссерль полагал противоречивым, поскольку само такое отрицание является формой рефлексии. По Гуссерлю, каждый «жизненный мир» задается, специфическим способом конституирования, присущим некоему трансцендентальному эго. Поэтому переход от одного «жизненного мира» к другому означает признание принципиальной возможности встать на позицию другого трансцендентального эго, взглянуть на мир «его глазами», принять его онтологические и ценностные символизации. Различные трансцендентальные эго, будучи монадами, все же имеют эмпативные «окна», обеспечи-

вающие возможность коммуникации и, следовательно, соизмеримость различных «форм жизни». «Хотя *фактически*, — пишет Гуссерль, — не каждое «я» обретается или может находиться в отношении «вчувствования», взаимопонимания со всяким другим «я» — так, к примеру, мы не состоим в таких отношениях с возможными обитателями отдаленнейших звездных миров, — но, если рассуждать в принципе, то имеются *сущностные возможности установления взаимопонимания*, а стало быть, возможности того, чтобы миры опыта, фактически обособленные, благодаря взаимосвязям актуального опыта складывались, создавая один-единственный интерсубъективный мир» [17].

Рефлексия не исключает участия в коллективных «формах жизни», а сама опосредована этим участием. Обычная «фоновая» данность, предопределяющая тотальность и очевидность «домашнего мира», препятствует его критической рефлексии. Как отмечает Гуссерль, отличие «фонового» содержания интенциональности от «фокусного» состоит именно в том, что оно не является объектом деятельности более высокого уровня — рефлексии, интерпретации, критической оценки. Вместе с тем, сама эта рефлексивная деятельность связана с перемещением в «фокус» интенциональности того, что априори уже дано как «фон». Априорность понимается здесь не как врожденность, доопытность или внеисторичность, а в феноменологическом смысле условия возможности. Априорным, как отмечает М. Шелер, «будет называться любое познание, чья материя *в соответствии с порядком данности должна быть дана*, если дан предмет, в отношении к которому априорно это познание» [18]. Рассмотренные в контексте «порядка дискурса» априори представляют собой пресуппозиции дискурса, то есть все то, что должно быть принято в качестве условия компетентного участия в нем.

Таким образом, включенность в коммуникативное сообщество, достигаемая, в частности, путем индокринации, не только не исключает критичности и рефлексивности, но, напротив, только и делает её возможной. Именно «априори коммуникативного сообщества» (термин К.-О. Апеля [19]) задают само различение эксплицитного и имплицитного, нового и уже известного, веры и сомнения. Нормативный «парадокс индоктринации» получает тем самым нормативное разрешение, предполагая переход от модели «знание — вещь» к модели «знание — социальный институт».

«Знание — вещь» — продукт натурализма и объективизма, то есть тех методологических стратегий, которые Гуссерль признает главными виновницами кризиса европейской цивилизации. «Овнешненное» знание, ставшее вещью, исключает критическую рефлексию. «Знание —

вещь, — как отмечает П. Бурдьё, — не ведающее, что оно само производит признаваемое им, не желает знать, что самое глубокое очарование, харизма его объекта есть лишь продукт бесчисленных кредитных операций, посредством которых агенты сообщают этому объекту власть, каковой сами же и подчиняются. Специфическая эффективность субверсивного действия заключается в возможности путем осознания изменить те категории мышления, которые обуславливают собой ориентацию индивидуальных и коллективных практик, в частности категории восприятия и оценки распределений... Таким образом, любое состояние социального мира представляет собой лишь временное равновесие, момент динамического процесса, в котором постоянно нарушается и восстанавливается вновь соответствие между распределениями и инкорпорированными или институализированными классификациями» [20].

Знание как социальный институт подчиняет социокультурному контексту сами фундаментальные дихотомии «знание — вера», «рациональное — иррациональное», «априорное — апостериорное». Индоктринация не может рассматриваться в этом контексте как «предпосылочное условие» знания. Знание как социальный институт, то есть коллективный образец самореференциальной активности, вообще не имеет «предпосылочного условия» [21]. Знание, ставшее «жизненным миром» не нуждается в обосновании, а само служит обоснованием. «Всякое испытание, всякое подтверждение и опровержение некоего предположения, — отмечал Л. Витгенштейн, — происходит уже внутри некоей системы. И эта система не есть более или менее произвольный и сомнительный отправной пункт всех наших доказательств, но включена в самую суть того, что мы называем доказательством. Эта система не столько отправной пункт, сколько жизненная стихия доказательств» [22].

Именно институционализированное знание в его функции культурного образца и ориентировочного комплекса схватывается категорией тезауруса. Понятие тезауруса в науках о культуре и обществе, как отмечают Вал. А. Луков и Вл. А. Луков, «маркирует ментальные структуры, придающие смысл обыденным действиям людей и их сообществ, но кроме этого предопределяющие самые различные отклонения от обыденности и оказывающие воздействие, возможно — решающее, на весь комплекс социальных структур, социальных и культурных институтов и социокультурных процессов» [23]. В перспективе тезаурусного подхода индоктринация как иррациональное принуждение индивида к следованию определенным культурным образцам, оказывается его идентификацией. Идентификация делает возможной, в свою очередь, критическую рефлексивность индивида по отношению к тому, что в различных

исследовательских традициях именуется «символической стратегией», «институционализированным знанием», «жизненным миром», «коммуникативным сообществом», «тезаурусом».

[1] Дьюи Д. Общество и его проблемы. М.: Идея-Пресс, 2002. С. 113.

[2] Дьюи Д. Реконструкция в философии. Проблемы человека. М.: Республика, 2003. С. 130.

[3] См.: Луков Вал. А. Движение гуманитарных наук к пониманию тезауруса // Электронный журнал «Знание, понимание, умение». 2008. № 9: «Комплексные исследования: тезаурусный анализ мировой культуры» http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/9/Lukov_thesaurus_comprehension/

[4] См.: Raywid M. A. The Discovery and Rejection of Indoctrination // Educational Theory. 1980. № 30. P. 1–10.

[5] Macmillan C. J. On Certainty and Indoctrination // Synthese. 1983. V. 56. P. 370.

[6] Луков Вал. А., Луков Вл. А. Тезаурусы: Субъектная организация гуманитарного знания. М.: Изд-во Национального института бизнеса, 2008. С. 63.

[7] Там же.

[8] Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб.: Наука, 1998. С. 115.

[9] Там же. С. 116.

[10] Гуссерль Э. Феноменология // Логос, 1991, вып.1. С. 19.

[11] Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. С. 227–228.

[12] Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Вопросы философии. 1986. № 3. С. 115.

[13] См.: Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетейя — М.: Институт экспериментальной социологии, 2001.

[14] Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОСПЭН, 2004. С. 534.

[15] Там же. С. 537.

[16] Royce J. War and Insurance. N. Y.: Macmillan, 1914. P. 24. Цит. по: Американская философия. Введение. М.: Идея-Пресс, 2008. С. 418.

[17] Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 106.

[18] Шелер М. Избранные произведения. М., 1994. С. 241.

[19] См.: Апель К.-О. Априори коммуникативного сообщества // Апель К.-О. Трансформация философии, М.: Логос, 2001.

[20] Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетейя — М.: Институт экспериментальной социологии, 2001. С. 278–279.

[21] См.: Bloor D. Knowledge and Social Imaginary. L., 1976.

[22] Витгенштейн Л. О достоверности // Витгенштейн Л. Философские работы (часть 1). М.: Гнозис, 1994. С. 336.

[23] Луков Вал. А., Луков Вл. А. Тезаурусы. Субъектная организация гуманитарного знания. М.: Изд-во Национального института бизнеса, 2008. С. 17.

И. Г. Биченко

ТЕЗАУРУСНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ МОЛОДЕЖИ

Развернутый методологический аппарат для изучения молодежи в состоянии аномии предоставляет тезаурусный подход. Кратко рассмотрим его.

Центральным понятием описываемого подхода является тезаурус. «Тезаурус — форма существования гуманитарного знания, *он в слове и образе воспроизводит часть действительности, освоенную социальным субъектом (индивидом, группой)*»¹⁴⁸. Это понятие характеризуется полнотой некоторого знания, необходимого для определенных целей. При этом полнота является качественной, а не количественной характеристикой, а знание измеряется существенностью, определенной субъектом и находится в ценностной сфере. Отсюда следует структурирование знания в тезаурусе: оно выстраивается не от общего к частному, но от *своего* к *чужому*. *Свое* управляется ценностными параметрами, образующими основу социокультурных установок и запретов. *Чужое* характеризуется не отторжением или неприятием, а индифферентностью, оно находится за пределами ценностно определенного. Третья категория — *чуждое*, характеризуется антиценностью, оно уже враждебно и должно быть исключено из тезауруса, оставив в нем только критику. В зависимости от изменений окружающей среды *свое* может отдаляться на периферию тезауруса и вытесняться в *чужое*, так же как и чужое может оказаться потенциальным ресурсом *своего* и перемещаться ближе к ценностному основанию индивида.

¹⁴⁸ Луков Вал. А., Луков Вл. А. Тезаурусы: Субъективная организация гуманитарного знания. М.: Издательство Национального института бизнеса, 2008.

Кроме конструкции *свое-чужое-чуждое* тезаурус структурируется по принципу иерархии. В зависимости от актуальной ориентационной задачи тезаурус выстраивает знаниевые фрагменты по их значимости. В связи с этим тезаурус характеризуется семиступенчатой «пирамидой». При этом «с каждой ступенью пирамиды связывается круг наиболее фундаментальных проблем, которые человек решает в течение жизни:

1-я ступень: проблемы выживания;

2-я ступень: проблемы распространения, рождения детей, семьи, секса;

3-я ступень: проблемы власти, иерархической организации общества;

4-я ступень: проблемы коммуникации на уровне чувств (любовь, дружба, ненависть, зависть и т. д.);

5-я ступень: проблемы коммуникации на уровне диалога, высказывания, письма и т. д.;

6-я ступень: проблемы теоретического осмысления действительности;

7-я ступень: проблемы веры интуиции, идеала, сверхсознания».

Высшие потребности обретают значимость когда низшие оказываются удовлетворены, а значит формирование пирамиды происходит снизу вверх: знание вводится в позицию *своего* на некоторой ступени, если предыдущая ступень уже заполнена.

Необходимо отметить еще несколько характеристик тезауруса. Во-первых, его динамизм: расширение событийного набора тезауруса дистанция *своего* и *чужого* мерцает, то есть может находиться в разных состояниях в разные моменты времени. Во-вторых, устойчивость: тезаурусы или некоторые их сегменты могут быть однонаправлены, формируя таким образом неконтактные социокультурные общности. Тезаурусы «способны возрождаться и воспроизводиться в новых исторических условиях, нередко отделенных от первоначальных огромными временными отрезками, целыми социально-историческими эпохами».

Общие фрагменты, присущие нескольким тезаурусам называются тезаурусными конструкциями. Представление о тезаурусной конструкции может дать идиома, смысл которой не всегда вытекает из отдельных слов ее составляющих, однако используемая в обиходной речи. В ходе социализации индивид формирует свой тезаурус, осваивая фрагменты тезаурусов значимых других. Таким образом индивидуальный тезаурус формируется как пересечение других тезаурусов, составляя с ними тезаурусные конструкции. Совмещения тезаурусов могут возникнуть не только как продукт социализации, но и в результате формирования ре-

ферентных групп или личностей — находящихся за пределами ближайшего окружения, но составляющими предмет ориентации, в результате исследовательского интереса в направлении некоторого объекта или ситуативного возмущения в социальном пространстве. Каждое из этих явлений задают динамику тезауруса — освоение *чужого*, отдаление *своего* и другие трансформации.

Еще один важный термин тезаурусного подхода — тезаурусной конструкции. Это часть тезауруса, которая активизирована субъектом в актуальной жизненной ситуации и представляет собой некоторую целостную композицию. Тезаурусная генерализация является своего рода отражением тезауруса, повторяющим его общий строй и существующим в некотором интервале времени. В случаях, когда это не происходит и тезаурусная конструкция отделяется от тезауруса можно вести речь о ситуации аномии. «При утере в обществе ясной ориентации на те или иные ценности и невозможности для субъекта опереться на ценностные императивы общества тезаурусная генерализация может, иногда неожиданно для субъекта, развернуться на 180 градусов по отношению к базовым представлениям о своем, чужом и чуждом. Здесь возникают феномены ренегатства, ереси, отступничества и т. п.»¹⁴⁹

Тезаурусный подход позволяет по-новому взглянуть на вопросы возраста, социализации и молодежи. Прежде всего, он представляет возможность отойти от возрастного биологического определения молодежи и представить ее как переходный процесс в течение которого приобретаются новые, не характерные для детского тезауруса знаниевые системы¹⁵⁰. Молодой человек обладает сразу несколькими тезаурусами, сформированными под действием формирующегося социального становления и актуализирует те или иные тезаурусы ситуативно. Сами тезаурусы также претерпевают изменения связанные с переходностью взросления, иначе говоря находятся в состоянии преобразования. «В зависимости от ситуаций, а в юности их смена происходит нередко очень динамично, на основе тезаурусного репертуара актуализируется та или иная тезаурусная генерализация, наиболее подходящая для данного случая. При этом тезаурусы и сами по себе еще не устоялись и подвержены динамичным изменениям. На тезаурусы периода молодости не могут не влиять определенные психологические черты, свойственные молодым людям и отличающие их от представителей старших возрастных групп.

¹⁴⁹ Луков Вал. А. Тезаурус и возраст // Электронный журнал «Знание. Понимание. Умение». 2008. № 9 // www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/9

¹⁵⁰ См.: Луков Вал. А., Луков Вл. А. Тезаурусы...

Это, в частности, относится к характеристикам восприятия, внимания, памяти».

В части социализации тезаурусный подход представляет возможность преодоления противоречий социализационных теорий¹⁵¹. Этот подход логически проистекает из описанных выше принципов тезаурусной концепции. Основные положения заключаются в следующем: тезаурус конструируется в результате воздействия микро- и макросоциальных факторов, продукты которого распределяются в системе *свое-чужое*, в соответствии с тезаурусными конструкциями, образованными тезаурусными значимых других. При этом *чужое* наделяется качествами объекта, референтивностью, а *свое*, напротив, становится частью субъекта, вплоть до потери осмысленной референции. Социальный опыт передается от поколения к поколению в рамках тезаурусных конструкций. Результативность этого процесса зависит от тезаурусов агентов социализации и оценивается «в соответствии с тезаурусной структурой, характерной для данного общества».

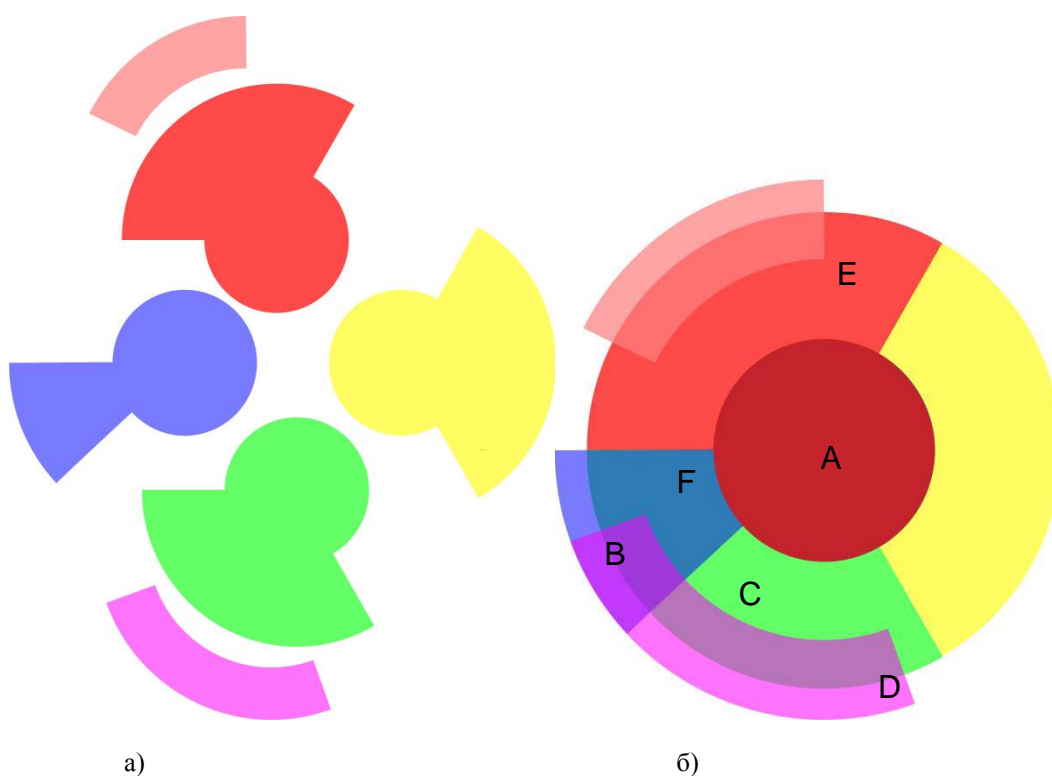
Кратко рассмотрев тезаурусный подход можно сформулировать некоторые новые возможности эмпирического анализа ценностных ориентаций, которые он предоставляет. Ранее упоминалось, что структурообразующие факторы тезауруса имеют ценностную природу, определяя предпочтения индивида в той или иной ситуации. Отсюда можно осуществить обратное построение: отдельный тезаурус объединяет ценностные предпочтения, обеспечивая их сосуществование и непротиворечивость. Таким образом, ценностную систему можно назвать моделью тезауруса. Тогда группа ценностных эталонов будет определять модель тезауруса, а их иерархия встроится в семиступенчатую пирамиду. Далее, модель тезаурусной конструкции также будет формироваться группами эталонов, характеризующими воздействие «социализирующих» и других тезаурусов, воздействующих на тезаурус индивида. Поскольку тезаурусная конструкция является фрагментом тезауруса, ценностные эталоны, с помощью которых возможно ее моделирование, также будут подчинены некоторой иерархии, а значит также представлять из себя ценностную систему. Из этого положения следует важный вывод: если при рассмотрении тезаурусов нескольких индивидов выявляется тезаурусная конструкция, то по количеству тезаурусов, включенных в эту конструкцию можно судить о ее устойчивости. Переходя к ценностным эталонам, можно говорить о степени встроенности эталона в ценностную систему, а значит о его относительном превосходстве. Тогда ценностные эталоны

¹⁵¹ Луков. Вал. А. Тезаурусная концепция социализации // Электронный журнал «Знание. Понимание. Умение». 2008. № 9 // www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/2

обладают не только сравнимостью, но и иерархичностью, они становятся вписанными в тезаурусную пирамиду.

Сформулировав основные теоретические основания для исследования ценностных ориентаций, перейдем к приложению этих оснований к эмпирическому исследованию. Прежде всего, допустив некоторые упрощения, сформулируем понятие тезауруса в терминах математики, сопоставив с ним понятие множества. Тогда элементы, его составляющие (авторы тезаурусной концепции используют термин «концепт»), будут отображаться в виде членов этого множества, а тезаурусная конструкция будет определяться пересечением множеств.

Дальнейшее рассуждение имеет смысл производить, проиллюстрировав вышесказанное с помощью диаграмм Джонстона (рис. 1). Ограниченные закрашенные области здесь соответствуют множествам, а пересечения множеств образуются путем наложения цветов. Для пояснения на схеме (а) продемонстрированы множества отдельно друг от друга, без перекрытий, на схеме (б) эти же множества расположены с учетом перекрытия.

На иллюстрации синее и красное множество пересекаются между собой, образуя область А, которую пересекает желтое множество. Зеленое множество пересекается только с областью пересечения красного, синего и желтого множеств. Оранжевое множество пересекается с желтым и красным множеством, а серое пересекается только с синим. В

предположении об описании тезауруса множеством области пересечения A, B, C, D, E, F представляют собой общие для тезаурусов фрагменты. Для того чтобы определить, является ли область пересечения тезаурусной конструкцией, необходимо обратить внимание на то, сколько множеств ее формируют. Например, в области A пересекаются 4 множества, а в области E — 2, значит, область A с большей уверенностью можно отнести к тезаурусной конструкции. Мера принадлежности элемента к множеству говорит о том, что множество является нечетким¹⁵². Сами множества-тезаурусы также можно описать нечетким множеством, так как элементы могут быть в большей или меньшей степени «освоены», что соответствует мере принадлежности.

Анализ внутренней структуры множеств имеет смысл осуществлять, рассматривая не все элементы множества, а только его «особые точки». Также и содержимое тезауруса в полной мере выявить чрезвычайно затруднительно, а для его исследования, как отмечалось выше, возможно использование модели, элементами которой являются ценностные эталоны. Взаимное расположение множеств анализируется с помощью отдельных точек, принадлежащих либо пересечению множеств, либо отдельным множествам. Тезаурусные конструкции в своих «узлах» определяются ценностными эталонами. В результате исследование тезаурусов и их соотношений сводится к исследованию ценностных эталонов, которые являются членами множеств. При этом степень принадлежности эталона к множеству можно измерять путем сравнения эталонов различных тезаурусов, выявляя таким образом степень «встроенности» эталона. В случае тезаурусных конструкций действует такая же закономерность: чем больше множеств пересекаются в одной области, тем с большей уверенностью можно говорить о существовании устойчивого образования. Тогда задача эмпирического исследования тезаурусов состоит в выявлении взаимосвязи ценностных эталонов и их групп.

¹⁵² См.: Zadeh L. A. Fuzzy sets. Information and Control Vol. 1. L.: Portsmouth press, 1985. P. 115–121.

ПЕРЕВОДЫ ШЕКСПИРА КАК ОТРАЖЕНИЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР*

Проблемы теории и практики перевода вполне возможно и, более того, перспективно трактовать в ключе проблематики диалога культур. При этом сам подобный диалог следует рассматривать не как явление статики культуры, а напротив, как динамическое явление, связанное со сменой поколений, а поэтому трактуемое с учетом данных социологии поколений¹⁵³.

Что подвигает наших современников снова и снова переводить великих авторов? Зачем раз за разом переводить гениальных поэтов и писателей? Тем более в тех случаях, когда по этой тропе уже прошли талантливые соотечественники. Их переводы Байрона, Гёте, Данте и Гомера признаны хрестоматийными. Стоит ли вступать в творческое соревнование с И. А. Буниным, М. А. Кузминым, М. Л. Лозинским, С. Я. Маршаком, Б. Л. Пастернаком?

Возможно, объяснение того места, которое перевод занимает в нашей современной жизни, кроется в самых глубинных истоках отечественной культуры. Ведь не только русская литература, но и сама славянская письменность началась с переводческой деятельности, точнее, с перевода на церковнославянский язык древнегреческих христианских текстов, сделанных братьями Кириллом и Мефодием на основе созданного ими алфавита. На протяжении тысячелетнего существования русской письменности перевод составлял одну из наиболее значимых форм ее проявления.

С появлением в XVIII веке поэтических переводов В. К. Тредиаковского (его перевод романа П. Тальмана «Путешествие на Остров Любви», который включал в себя множество стихов), А. Д. Кантемира («Послания» Горация) и многочисленных переводов М. В. Ломоносова с латинского, немецкого, французского языков возникла русская переводческая школа, которая получила разностороннее развитие в «золотой» (пушкинский) век русской поэзии, когда большинство, если не все русские поэты, в той или иной степени являлись пере-

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ, грант № 08-04-12128 в).

¹⁵³ См. работы И. М. Ильинского, в том числе: Ильинский И. М. Образовательная революция. М., 2004. См. также: Ковалева А. И., Луков Вал. А. Социология молодежи. М., 1999; Луков Вал. А., Луков Вл. А. Тезаурусы: Субъектная организация гуманитарного знания. М., 2008.

водчиками¹⁵⁴. Кроме учителей Пушкина — Жуковского и Карамзина, все ближайшие друзья поэта лицеисты Дельвиг и Кюхельбекер, князь Вяземский занимались переводческой деятельностью.

Каковы же были причины подобного увлечения переводческой деятельностью в России? Отсутствие собственной оригинальной национальной темы или недостаточное развитие русской поэтической школы? Самобытность русской поэзии во всем многообразии ее тем, образов и поэтических приемов отразилась в устном народном творчестве, а также древней летописной литературе. Большинство же русских поэтов со времен петровских реформ имели европейское образование, были адептами европейской цивилизации, носителями ее культуры и стремились всевозможными способами пропагандировать общеевропейское наследие. Любовь к европейской литературе вызывала желание и даже необходимость приблизить их подлинники к русскому читателю, причем задача русских поэтов состояла не только в том, чтобы просто перевести произведение иноязычных авторов на родной русский язык (ведь многие русские читатели того времени были достаточно образованы, чтобы насладиться плодами европейского словесного искусства на латинском, французском, немецком, английском и других иностранных языках), а сделать их явлением русского языка, русской литературы. Инокультурные плоды должны были пройти своеобразную культурную адаптацию, чужое должно было стать чем-то узнаваемым, близким, своим.

В процессе освоения «чужого», но не «чуждого» русскому культурному сознанию поэтического материала совершенно особое место занимает такое явление, как переводческая шекспириана России. Она давно переросла масштабы общенационального культурного явления, находящего где-то между фундаментальными исследованиями и литературной модой, затянувшейся на двести с лишним лет. На русский язык Шекспира переводили столько, сколько не переводили ни одного зарубежного писателя ни на один язык мира. По количеству переводов, изданных, например, в 1961-1970 гг., Шекспир не просто лидирует среди

¹⁵⁴ Подробно о проблеме перевода в пушкинскую эпоху см.: Алексеев М. П. Проблема художественного перевода // Труды Иркутского гос. ун-та. Т. XVIII, вып. 1. Иркутск, 1931; Холмская О. П. Пушкин и переводческие дискуссии пушкинской поры // Мастерство перевода. М.: Советский писатель, 1959. С. 305–367; Русские писатели о переводе: XVIII–XIX вв. / Под ред. Ю. Д. Левина и А. В. Федорова. Л.: Советский писатель, 1960; Левин Ю. Д. О русском поэтическом переводе в эпоху романтизма // Ранние романтические веяния. Из истории международных связей русской литературы. Л.: Наука, 1972. С. 222–284; Эткинд Е. Г. Русские поэты–переводчики от Тредьяковского до Пушкина. Л.: Наука, 1973. С. 55–116; Эткинд Е. Г. Поэзия и перевод. М., Л.: Советский писатель, 1963. С. 24 и далее; Федоров А. В. Основы общей теории перевода. (Лингвистические проблемы). М.: Высшая школа, 1983.

классиков зарубежной художественной литературы, а лидирует с большим отрывом. Так, только в указанный период, в СССР было издано 1227 переводов произведений великого английского драматурга¹⁵⁵.

Как видно, у каждого поколения существует насущная потребность заново переводить шедевры мировой литературы, и это не просто банальное желание «потрепать лавры старикам». Не случайно выдающийся переводчик русской литературы на французский язык Андре Маркович считает такой подход идеальным для развития культуры. Несмотря на то, что в целом подход «тотального пере-перевода» к литературной классике выглядит неосуществимым, в культурной среде все же возникают определенные условия, которые позволяют переводчикам по своему переосмысливать великие творения прошлого. Каждое новое поколение испытывает дискомфорт, когда обнаруживает необратимость процессов, связанных с быстро меняющимся языком, сталкивается с историческим анахронизмом культурных реалий, устаревшими формами подачи информации. Извечная актуальность великих образцов литературы прошлого, вечная жизненность художественных образов и тем дает возможность для бесконечных интерпретаций классики. И дело даже не в том, что поколение новых переводчиков способно переписать классику на злобу дня, сам процесс такого перевода является формой освоения инокультурных и иноязыковых образцов прошлого.

Любопытно, что «пересмотр» переводов классики актуален не только для нашей, но и для многих других мировых культур. Вполне возможно, это свидетельствует о современных тенденциях образования, когда почти повсеместно в школах и университетах изучают иностранные языки. В любом случае, даже если языки не стали знать лучше, чем сто лет назад, носителей этих знаний стало во много раз больше. Это, как представляется, и определяет нынешнее состояние дел и умонастроение современных переводчиков.

Для того, чтобы стать настоящим переводчиком, недостаточно хорошего владения иностранным языком. Не менее, а в значительной степени даже более важно иметь навыки владения родным языком и поэтические способности. Немаловажным являются знание отечественной литературы, личный энтузиазм, работоспособность, сила воли и любовь к переводимому оригиналу, уважительное отношение к сочинившему его автору. Все это способствует заочному диалогу иноязычных культур и разновременных эпох. И тут дело не столько в творческом фанатизме

¹⁵⁵ См.: Немировский Ев. Подводя итоги XX столетия: книгоиздание. Что и сколько переводится в мире // КомпьюАрт. 2000. № 2. [Электронный ресурс]: <http://compuart.ru/article.aspx?id=8411&iid=340>.

или раболепном преклонении перед оригиналом, сколько в формировании у переводчика нового идейно-эстетического видения мира, которое возникает в процессе постижения переводчиком художественных открытий автора, его концепции бытия и человека, в соревновательном приближении переводчика к вершинам мастерства.

Далеко не все переводчики способны к конгениальному диалогу с автором, который возникал в переводах Жуковского и Пушкина, а позже Пастернака, Маршака и немногих других. Им удалось создать своего Шекспира — нашего соотечественника, а иногда и современника. По мнению выдающегося исследователя англо-русских литературных связей Ю. Д. Левина, переводчик должен «воссоздать средствами своего языка иноязычное произведение как произведение чужой литературы, пережившее только свое языковое воплощение»¹⁵⁶. Впрочем, если бы, например, Пастернак и Маршак руководствовались только этим подходом, смогли бы они создать того самобытного, оригинального, такого близкого и понятного нам «русского Шекспира»? Думается, что нет.

В статье 1809 года «О басне и баснях Крылова» Жуковский писал: «Переводчик в прозе есть раб; переводчик в стихах — соперник»¹⁵⁷. С его точки зрения, переводчик обязан не просто формально переводить, а творить свое собственное произведение, при возможности создать гораздо более совершенное произведение в сравнении с подлинником. В свое время, характеризуя переводческую деятельность Жуковского, В. Г. Белинский писал: «Жуковский — поэт, а не переводчик: он воссоздает, а не переводит...»¹⁵⁸. Понимание Жуковским переводческих задач было близко Пушкину, который называл переводчиков «почтовыми лошадьми просвещения» (XII, 179)¹⁵⁹, в то время как самого Жуковского назвал «гением перевода» (XIII, 183).

Для Пушкина было характерно ясное творческое и филологическое понимание проблемы перевода. В одной из своих последних заметок Пушкин дал критику «Шатобрианова перевода “Потерянного рая” Мильтона». Вопреки общепринятой традиции перевода, когда «переводчик должен передавать дух, а не букву», Шатобриан переводит Миль-

¹⁵⁶ Левин Ю. Д. О русском поэтическом переводе в эпоху романтизма // Ранние романтические веяния. Из истории международных связей русской литературы. Л.: Наука, 1972. С. 244.

¹⁵⁷ Жуковский В. А. Собрание сочинений: В 4 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1960. Т. 4. С. 410.

¹⁵⁸ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1953–1959. Т. 3. С. 508.

¹⁵⁹ Здесь и далее, цитаты и ссылки на тексты Пушкина с указанием тома (римской цифрой), страницы (арабской цифрой) даются по: Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. Т. I–XVI. М., Л.: Изд. АН СССР, 1937–1959.

тона *«слово в слово* и объявляет, что подстрочный перевод был бы вер-
хом его искусства, если б только оный был возможен!» (XII, 137). Таким
переводчиком, который не только переводил, но и вдохновлялся и тво-
рил сам, и был сам Пушкин. Ему было мало только переводить, его ге-
ний требовал большего, он хотел открыть читателю то, что скрыто
в чужом замысле. Перевод Пушкина всегда больше, чем изложение или
переложение чужого. Это было своего рода сотворчество, самовыраже-
ние, попытка творческого соревнования, а само прочтение текста ориги-
нала было своеобразным герменевтическим актом. Такой подход к пере-
воду представляется наиболее оправданным.

Уроки Пушкина по-своему отразились в переводческой деятель-
ности И. А. Бунина. Знание иностранных языков и чуткое понимание
природы родного языка помогли Бунину выполнить конгениальные пе-
реводы: «Песнь о Гайавате» Лонгфелло (1896), драмы и мистерии Бай-
рона (1904-1909), сонеты Мицкевича, лирика Теннисона («Годивы») и
другие опыты, которые несут на себе печать глубочайшего понимания
переводимых текстов. Не преувеличивая ценность переводов Бунина,
необходимо отметить, что эволюция его переводческого пути была
сложной и неоднородной. Юношеские переводы Бунина собранные в
томе «Литературного наследия» (№ 84. М., 1973, Наука) демонстрируют
нам откровенно вульгарного Ламартина. В семнадцать лет Бунин заблу-
ждался, считая, что в сонете может быть четыре строфы по четыре стро-
ки («В размере сладкого сонета»). Его отношение к своим переводам
тоже весьма противоречиво. Факсимиле из того же издания показывает
перечеркнутый Буниным лист «Полного собрания сочинений» (1915), на
котором автор приписал: «Зачеркнутое не вводить в будущее собрание
моих сочинений, даже самое полное. Ив. Б., 16 дек., 1952 г., Париж».
После 1923 года Бунин написал всего несколько стихотворений, сделал
несколько так называемых «скрытых» переводов. В основе стихотворе-
ния «Пантера» лежит одноименное стихотворение Рильке, а в «Ночной
прогулке» узнается стихотворение Верлена. Так или иначе, но самые
удачные переводы Бунина по праву считаются лучшими образцами рус-
ской поэзии XX века.

Сегодня оценить вклад современных переводчиков нам, возможно,
мешает переходность современной цивилизации, но не за горой то вре-
мя, когда мы с удивлением обнаружим, что кто-то из современных по-
этов стал выдающимся переводчиком «британского барда» XXI века.

Представленные здесь размышления — это, несомненно, только
небольшой фрагмент в исследовании перевода, который, как нам пред-
ставляется, получает дополнительное освещение, проясняется благодаря

тезаурусному подходу, который направляет мысль в сторону изучения перевода как формы межкультурного диалога.

Б. Н. Гайдин

ШЕКСПИР И ВЕТВИ ХРИСТИАНСТВА*

Достаточно долго большинство ученых: богословов, историков, культурологов сходилось во мнении, что одной из причин Реформации в Англии стала неспособность средневековой английской католической церкви, подчинявшейся Риму, удовлетворять духовным потребностям как высшего общества, так и простых мирян¹⁶⁰. Однако в последнее время стали появляться работы, которые дают совершенно другую картину: население, в целом, относилось к своей церкви положительно и беспрекословно отдавало пожертвование на ее нужды¹⁶¹. На самом деле предпосылки Реформации следует, как считают некоторые исследователи, искать в закулисной борьбе высших кругов власти¹⁶². Главной причиной, толкнувшей Генриха VIII на разрыв с Ватиканом, было его желание жениться на Анне Болейн, но для этого он должен был развестись с испанской инфантой Катериной Арагонской. Формально он должен был получить разрешение Папы Римского, но тот был категорически против, ибо это противоречило канонам католицизма, согласно которым развод был запрещен. Отказ Папы, как считают многие, дал Генриху хороший повод для того, чтобы окончательно заполучить всю полноту власти над церковью, ее богатства и земли¹⁶³.

Таким образом в Англию пришел протестантизм, однако назвать англиканскую церковь того времени протестантской было бы неверно. Реформа коснулась, главным образом лишь верхушки церковного аппарата, а религиозные догмы, обряды остались практически неизменными вплоть до прихода на престол сына Генриха VIII Эдварда VI, за непродолжительное правление которого Англия получила право проведения службы на английском языке и свод церковных правил (требник).

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ, грант № 08-04-12128 в).

¹⁶⁰ Такой взгляд представлен в работах Стенли Вэлса (S. Wells) и др.

¹⁶¹ См., например: Shakespeare. An Oxford Guide // Edited by S. Wells and L.C. Orlin, Oxford University Press, 2003, P.127

¹⁶² См.: там же, P. 130

¹⁶³ Примечательно, что в 1521 году сам Генрих VIII, которого считают отцом англиканской Церкви, написал книгу под говорящим названием «Утверждение семи таинств против Мартина Лютера» (*Assertio Septem Sacramentorum contra Martinum Lutherum*). За нее Папа дал ему титул «Защитник Веры». См., например: Энциклопедия «Кругосвет», <http://www.krugosvet.ru/articles/62/1006233/1006233a1.htm>

После его смерти в 1553 г. к власти пришла дочь Катерины Арагонской Мария I Тюдор, которая отменила почти все предшествующие реформы отца и сводного брата. Единственное, чего ей не удалось, так это вернуть Церкви земли, т. к. они были уже распроданы и против этого выступил Парламент. В 1558 г. она скончалась и на престоле ее сменила Елизавета, которая для Рима являлась незаконнорожденной. Таким образом в Англию вернулся протестантизм.

В период с 1530 по 1559 г. Англия, по крайней мере, четыре раза пережила смену официальной религии¹⁶⁴. Эта нестабильность не могла ни сказаться на жизни всего общества Туманного Альбиона. Трансформация веры из католицизма в протестантизм проходила долго и трудно и для высших церковных иерархов, и для простого крестьянина где-нибудь в Стратфорд-на-Эйвоне. В качестве основных церковных книг Англия получила Молитвенник (the Book of Common Prayer) и Тридцать Девять догматов вероисповедания (the Thirty-Nine Articles). По существу, изменилась лишь верхушка Церкви — епископы вернулись из вынужденной при Марии Тюдор ссылки на континенте. Что же касается священников более низкого ранга, то их костяк состоял в основном из тех же, кто получил свой сан при католицизме.

Лично Елизавета вела по отношению к католикам скорее мягкую, чем жесткую политику, по крайней мере, насильно переходить в протестантизм официально никого никто не заставлял.

Однако радикально настроенные приверженцы протестантизма делали все возможное, чтобы жизнь «папских фанатиков» стала как можно более сложной. К середине 80-х годов XVI века принимать у себя католического священника считалось уже уголовно наказуемым преступлением, а исполнять его функции — государственной изменой. Причем власть отрицала в таких случаях, что люди преследовались за их религиозные убеждения, все сводилось под общий знаменатель — видение в их действиях потенциальной угрозы безопасности Англии и ее королевы¹⁶⁵.

Несмотря на это в некоторых графствах (например, Йоркшир и Ланкашир) католицизм оставался религией общины десятилетиями.

Таким образом, ситуацию в любом случае трудно назвать критической: масштаба кровавой бойни Варфоломеевской ночи в Англии не было. Хотя жертвы религиозной неприязни, безусловно, были, но гражданской войны в результате раскола, тем не менее, не произошло. Большинство католиков платило за свою веру тяжелым фунтом и отсутстви-

¹⁶⁴ См.: Shakespeare. An Oxford Guide. P. 131.

¹⁶⁵ См.: там же, P. 135

ем некоторых прав (например, служить в армии или на флоте), но не жизнью¹⁶⁶.

Открыто выступать в защиту старой веры мало, кто решался. Многие с надеждой смотрели на католическую Испанию, другие — на Марию Стюарт, третьи — на саму Елизавету (а вдруг одумается?).

Вполне очевидно, что большая часть католиков — если это были здравомыслящие люди — соблюдали осторожность и, во всяком случае, пытались казаться лояльными к королевской власти.

После смерти Елизаветы в 1603 г. корона перешла сыну Марии Стюарт, Джеймсу (Якову) VI, воспитанному уже в духе протестантизма. Ни надежды католиков (жена короля Анна была дочерью короля Дании Фредерика II и исповедовала католицизм), ни опасения протестантов не оправдались: новый монарх отличался удивительной «веротерпимостью», единственное, что его интересовало, было то, чтобы ему были преданы. Он держался в стороне и не подпускал к себе ни убежденных пуритан, ни папистов¹⁶⁷. Действительно вначале король отменил штрафы за иноверие, католики высшего сословия вновь обрели свой статус, а люди простого происхождения вздохнули свободнее. Но вскоре раскрываются сразу два заговора против королевского трона, и католики вновь оказываются «прокаженными», снова началась «охота на ведьм». Папские пасторы вновь вынуждены избегать преследования, т. к. вновь вводятся денежные санкции. Ситуация еще более накаляется после раскрытия Порохового заговора. Дискриминация католиков будет продолжаться еще более двух веков. Известно, что избирательное право вернется к ним только в 1829 г.¹⁶⁸ Отголоски тех религиозных распрей ощущаются до сих пор в той же Ирландии.

С культурологической точки зрения, главным интересом здесь могла бы стать попытка проследить то, как изменялось религиозное сознание англичан во времена Реформации. Существует целый ряд работ, авторы которых пишут на эту тему, обращаясь к довольно обширному материалу¹⁶⁹.

¹⁶⁶ См.: Ледер Я. Английская ночь большого огня.
http://www.langust.ru/news/07_11_05.shtml

¹⁶⁷ См.: Shakespeare. An Oxford Guide, P. 137.

¹⁶⁸ Ледер Я. Английская ночь большого огня, указ. источник.

¹⁶⁹ См., например, след. издания: Collinson P. *The Elizabethan Puritan Movement* (London: Jonathan Cape, 1967); Lake P. and Questier M. *The Antichrist's Lewd Hat: Protestants, Papists and Players in Post-Reformation England* (New Haven: Yale University Press, 2002); Walsham A. *Providence in Early Modern England* (Oxford: Oxford University Press, 1999), etc.

В данной статье предлагается сделать это, обратившись к творчеству одного из самых (а, может быть, и самого) известного англичанина У. Шекспира, подарившего нам многочисленные шедевры художественного искусства.

Споры о том, какую религию исповедовал «Эйвонский Лебедь», давно ведутся и до сих пор продолжаются. Это вполне естественно, ведь для англичан Шекспир — «их все». Для многих убежденных англикан дело чести доказать, что Шекспир был истинным протестантом, точно также как для католиков — обратное.

Уже сама по себе биография великого англичанина полна тайн. Еще Марк Твен заметил, что создание жизнеописания драматурга похоже на склеивание скелета динозавра из нескольких костей при помощи пластыря.

Выдвигали предположения, что Шекспир был даже приверженцем иудаизма¹⁷⁰. Чисто гипотетически это было возможно, но только при условии, что драматург скрывал свои религиозные убеждения, т. к. на иудаизм в Англии того времени существовал запрет с момента королевского указа Эдуарда I (1290 г.)¹⁷¹. Только в 1656 г. там было официально разрешено открыто исповедовать эту религию¹⁷².

Большинство же выражают уверенность, что Великий Бард был христианином. Но здесь исследователи и критики задаются вопросом, сторонником какой ветви христианства он был — римского католицизма или протестантизма (или точнее — зарождавшегося в то время англиканства)?

Вполне очевидно, что Шекспир (если не принимать во внимание «шекспировский вопрос») родился в католической семье. Известно, что он был крещен 26 апреля 1564 г. Некоторые исследователи предполагают, что будущий драматург мог обучаться в школе при ордене иезуитов, хотя точных записей такого рода в то время не велось. Принято считать, что Шекспир посещал обыкновенную грамматическую школу.

Существует свидетельство того, что в доме, где жила семья Шекспира, в XVIII веке была обнаружена религиозная литература нехарактерная для протестантов¹⁷³. В 1750 г. была найдена запись о том, что отец драматурга, Джон Шекспир, был оштрафован за непосещение протестантской службы, на которую обязаны были являться члены всей об-

¹⁷⁰ Одним из самых известных ученых, придерживающихся этой точки зрения, является Дэвид Баш (David Basch). О его работах см.: <http://www.ziplink.net/~entropy/>

¹⁷¹ <http://www.2uk.ru/relig/relig17>

¹⁷² Шустерман С., http://www.jewish.ru/theme/world/2005/10/prn_news994226468.php

¹⁷³ <http://www.lehigh.edu/~amsp/2004/09/was-shakespeare-catholic-stephen.html>

щины. Приверженцы идеи, что до конца жизни Шекспир оставался папистом, приводят в доказательство примеры символов и аллегорий, которые понятны только для тех, кто, на их взгляд, знаком с католической верой. Например, в «Венецианском купце» — одинокая свеча, пасхальная луна, многократное повторение «В такую ночь» и др., символизирующие собой последний ужин Христа, Страсти Господни, Воскрешение, т. е. всю пасхальную литургию. Сторонники этой версии считают, что Шекспир умело обводил цензуру вокруг пальца, мастерски кодируя свои католические предпочтения. Шекспира, без всякого сомнения, можно назвать удачливым предпринимателем и прозорливым политиком своего времени. Можно предположить, что он как никто другой чувствовал, куда дует ветер и на чью голову может упасть Дамоклов меч.

Существует теория, что под противостоянием в «Венецианском купце» иудеев и христиан, драматург подразумевал противоборство католиков и протестантов¹⁷⁴.

Если обратиться к одной из самой знаменитых пьес Шекспира — трагедии «Гамлет», становится понятно, что Призрак отца принца приходит к нему из Чистилища, в котором души усопших находятся на распутье между Адом и Раем. Известно, что протестанты отвергают саму идею Чистилища, которая есть в католицизме¹⁷⁵. Отсюда в литературной и научно-публицистической критике возникли бесконечные дебаты о том, каково же было отношение драматурга к идее того, что грешные души имеют шанс обрести царство Божие.

Существуют и целый ряд других гипотез как в том, так и в другом лагере шекспироведов. Например, сторонники Шекспира-протестанта доказывают, что в образе Клавдия, например, драматург изобразил лютеранина, который осознает, что все молитвы тщетны, что судьба его души уже predetermined¹⁷⁶.

Однако такие споры в большинстве случаев, на наш взгляд, не более чем политическая игра, с помощью которой представители той или иной религиозной конфессии пытаются привлечь внимание скорее к самим себе, чем к религии как таковой. Заявлять категорически о религиозных предпочтениях Шекспира не представляется возможным. Очевидно, что драматург жил в переходный период и, как и все его соотече-

¹⁷⁴ См. основные идеи книги Clore Asquith *Shadowplay* в Интернет:

<http://www.godspy.com/culture/Shakespeares-Catholic-Code-by-Clore-Asquith.cfm>

¹⁷⁵ См., например, Greenblatt Stephen. "Remember Me." *Hamlet in Purgatory*. By Greenblatt. Princeton: Princeton UP, 2001, P. 256-257

¹⁷⁶ См.: Grace Tiffany *Hamlet and Protestant Aural Theatre* // *Christianity and Literature*. Vol. 52. 2003. <http://www.questia.com/>

ственники эпохи Реформации, переживал время переосмысления христианской религии.

Более того, если переключить внимание с личности драматурга на его произведения, представляется необходимым изучить вопрос понимания шекспировского наследия различными религиозными конфессиями.

Интересно, что в интерпретации содержания «Гамлета» существует разница даже у читателей/зрителей, принадлежащих по своему вероисповедованию к христианству, однако к различным его ветвям. Почти каждое слово, десятки словосочетаний и предложений, множество реминисценций продолжают подвергаться тщательному анализу¹⁷⁷. Думается, что имеет смысл рассмотреть данный вопрос в культурологическом аспекте.

На примере «Гамлета» можно поставить задачу разобраться, каковы различия в понимании и отношении к феномену мести, самоубийству, потусторонним силам и т. д. в тезаурусах православия, католицизма и протестантизма (а если есть необходимость, то и его течений). На наш взгляд, ответив на этот вопрос, можно описать определенные модели того, как могут трактовать содержание «пьесы пьес» читатели в соответствии со своими религиозными убеждениями.

В. В. Каблуков

ДИНАМИКА ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА В ДРАМАТУРГИИ Н. ЭРДМАНА*

Распад российской империи в начале прошлого века привел к серьезным тектоническим сдвигам в коллективном сознании эпохи. Изменения в иерархии социальных классов и прослоек приводят к тому, что самый многочисленный из них — мещане, вынуждены заново выстраивать свои отношения не только внутри общества, но и искать но-

¹⁷⁷ Например, в рамках международной конференции «Шекспировские чтения-2006» прозвучали следующие доклады, посвященные «Гамлету»: Абилова Ф. А. Об одной реминисценции из «Гамлета» в романе Т. Гарди «Джуд Незаметный»; Бартошевич А. В. О «Гамлете» в МХТ и по поводу его; Микеладзе Н. Э. О значении оппозиции «сокол — пила» (hawk — handsaw) в «Гамлете»; Приходько И. С. Цветы Офелии и Александр Блок; Смирнова Н. А. Гамлетовские сны Владислава Ходасевича: шекспировский метатекст; Степанов С. А. «Upon my sword» и «by my sword»: две клятвы в «Гамлете».

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант 07-04-02010а «Принципы воплощения национального сознания в русской советской драматургии»).

вые ориентиры бытийного существования. Традиционный для русской литературы тип «маленького человека» оказался в непривычной для себя ситуации глубинной рефлексии, что принципиально меняет когнитивные механизмы мышления, пути и способы познания мира.

Герои Н. Эрдмана, обыватели, живут, прежде всего, в быту, и их отношения с предметным миром становятся особенно важными. Именно предмет, вещь стоит в центре большинства эпизодов как в «Мандате», так и в «Самоубийце». Но предметный мир с первых актов предстает разрушенным, потерявшим семиотическую определенность. В явлении первом «Мандата» мать и сын Гулячкины спорят о содержании картин, которые собираются вывесить:

Надежда Петровна. Ну, как знаешь, Павлуша, а только я посередке обязательно «Верую, Господи, верую» хотела повесить. На ней, Павлуша, и рамка получше, и по содержанию она глубже, чем «Вечер в Копенгагене»¹⁷⁸.

Но выясняется, что на оборотной стороне картины «Вечер в Копенгагене» портрет Карла Маркса. Относительное содержание предмета позволяет подменять героям Эрдмана реальное значение вещи произвольным. Картина становится «орудием пропаганды», горшок на голове — уликой.

Момент разрушения предметного мира как знаковой системы реализуется и в «Самоубийце». Александр Петрович пытается уговорить Семёна Семеновича не стреляться: *«(Усаживает его, встает перед ним в позу.) Гражданин Подсекальников... Подождите минуточку. (Подбегает к окну. Раздергивает занавеску. Нездоровое городское утро освещает развороченную постель, сломанный фикус и всю невеселую обстановку комнаты.) Гражданин Подсекальников. Жизнь прекрасна»* (С. 119).

Деструкция вещи влечет за собой сомнение в зрении. Человек теряет веру в то, что он видит, многие жизненно важные фреймы исчезают из сознания. Очертания действительности расплываются, что требует напряженного «вглядывания» в реальность. Отсюда повторяющиеся в драматургии Эрдмана эпизоды «подглядывания». В «Мандате» Павел Сергеевич советует матери:

Павел Сергеевич. Лавировать, маменька, надобно, лавировать. Вы на меня не смотрите, что я гимназии не кончил, я всю эту революцию насквозь вижу.

¹⁷⁸ Эрдман Н. Р. Самоубийца: Пьесы. Интермедии. Переписка с А. Степановой. Екатеринбург: У-Фактория, 2000. С.15. Далее при ссылках на это издание будут указываться только номера страниц.

Надежда Петровна. Темное оно дело, Павлуша, разве ее увидишь.

Павел Сергеевич. А вы в дырочку, мамаша, смотрите, в дырочку.
(С. 17).

В «Самоубийце» «подглядывает», смотрит на «дамочку с марксистской точки зрения» уже Егорушка. Подсекальников лишь единожды пытается придать предмету экзистенциальный смысл, пытаясь в эпизоде с басом «сквозь эту трубу различить свое будущее», и когда его попытка самореализоваться в новой жизни заканчивается очередным провалом, в душе маленького человека происходит самый настоящий бунт против вещного мира.

Разрушение первичной знаковой системы существования выводит телесные отношения человека и мира на самый высокий, экзистенциальный уровень. Действие «Мандата» развивается в системе «расстреляют — не расстреляют», а сюжет второй пьесы движется за счет оппозиции «истинный — мнимый самоубийца». Тело оказывается последним доказательством существования человека в мире. В «Мандате» требуется приданое «живностью» — коммунистом, в «Самоубийце» в финальной сцене Семен Семенович перед лицом смерти признается в любви к собственному животу.

Абсолютизация физического существования приводит к потере имени собственного главными героями пьес Н. Эрдмана. Гулячкин «оформляется» в действительности фразой: «Силянс! Я человек партийный», Подсекальников представляется далекому Кремлю: «Говорит Подсекальников. Под-се-каль-ни-ков. Индивидуум. Ин-ди-ви-ду-ум» (С. 175). Персонажи теряют статус реальности, статус существования, превращаясь в безличные обобщения «партийный» и «индивидуум». Происходит процесс, на первый взгляд, принципиально отличный от мифологической партиципации, где любое слово стремится стать именем собственным. Но герои на самом деле совершают подмену прежнего имени, имеющего внутреннюю форму и этимологию, на новое, адекватное действительности, которая лишена смысла. Для Гулячкина новым именем становится мандат, который он выписывает сам себе, для Подсекальникова — записка самоубийцы, составленная для него Аристархом Доминиковичем. Телесность мира реализуется в идее его текстуальности, причем текст изначально подвергается авторской деконструкции.

Вслед за исчезновением «узнаваемости» мира приходит онтологическое сомнение в «слове».

Еще в начале действия в «Мандате» между матерью и сыном происходит знаковый монолог:

Павел Сергеевич. Как же он, мамаша, своего сына за нашу Варьку сватает, когда он нашей Варьки ни разу *не видел*?

Надежда Петровна. *А разве это плохо?*

Павел Сергеевич. Я ничего *не говорю*, может быть, если бы он ее *видел*, так еще хуже было бы, только что-то *не верится*.

Надежда Петровна. *А ты верь, когда тебе говорят* (С. 19)¹⁷⁹.

Сущностная ценность слова как одна из основополагающих констант мышления и мироздания в финале обеих пьес подвергается сомнению. Гулячкин, ожидая ареста, спрашивает свою мать: «Мамаша, *скажите* им, что я глупый — дураков, мамаша, может, не вешают». На это надежда Петровна вполне резонно отвечает: «*Не поверят* они, Павлушенька, *не поверят*» (С. 98)¹⁸⁰. Подсекальников, находясь на краю могилы, просит оставить ему право «говорить шепотом» и обещает «всю жизнь шепотом» прожить.

Оказавшиеся несостоятельными когнитивные процессы, связанные с актом «говорения», реализуются непосредственно в действии пьес в устойчивом мотиве «ложного» текста (мандат и записка). Но эта идея «ложного» текста, высшей знаковой системы, лишенной смысла, совместима у Эрдмана с идеей текста «истинного», текста Культуры.

И Подсекальников, и Гулячкин решают нехарактерные для этого типа людей вопросы: Как жить? Кто виноват? Что делать? В этом ракурсе «Мандат» и «Самоубийцу» можно рассматривать как своеобразную дилогию. На финальный вопрос Гулячкина «Чем же нам жить?» Подсекальников находит ответ: «умереть», и в своем самопознании идет дальше, решая для себя извечные философские проблемы: что есть жизнь, что есть смерть. Поэтому в «Самоубийце» большая функциональная нагрузка ложится на монолог. В самом общем виде можно выделить два типа монологов в «Самоубийце».

Первый — это монолог-вопрос. Он определяет в композиции момент начала рефлексии героя и обычно моделирует поток сознания маленького человека, столкнувшегося с антигуманной реальностью. Во втором действии Подсекальников лишь задает вопрос: «Есть загробная жизнь или нет?» (С. 159), в четвертом, продолжая мучиться этой проблемой, афористично, в сжатой форме дает «тезисное» определение своей судьбы: «Международное положение... Какие, это в сущности, пустишки по сравнению с положением одного человека» (С. 190).

¹⁷⁹ Курсив мой — В. К.

¹⁸⁰ Курсив мой — В. К.

Второй тип монолога — это монолог-ответ. Их несколько в пятом действии пьесы, и в них взгляды героя предстают в развернутом, относительно системном виде.

Экзистенциальная ситуация, в которую поставлены герои Эрдмана, лишена социальной детерминированности. Показательно в связи этим высказывание Н. Я. Мандельштам: «Однажды Гарин прочел нам эрдмановского «Самоубийцу», пьесу, которая не увидела сцены, и я услышала, что она звучит по-новому: а я вам расскажу, почему вы не разбили себе голову и продолжаете жить»¹⁸¹. Эстетический резонанс между комическим и трагическим ослабляет жанровое сопротивление, создает особый потенциал для вхождения в тезаурус текста Эрдмана элементов, далеких по своему звучанию от общей тональности пьесы. Голоса автора и героев сближаются, и момент их полного совпадения характеризуется, во-первых, синтаксическим выпрямлением фразы, создающим потенциал для ее афоризации, во-вторых, аллюзивным ее характером. В пьесе «Самоубийца» Эрдман использует реминисценции из драмы А. П. Чехова «Три сестры», сознательно сближая на экзистенциальном уровне двух абсолютно несопоставимых в социальном и интеллектуальном плане героев: барона Тузенбаха и Подсекальникова:

Семен Семенович. Чего только не бывает на свете, товарищи. На свете бывает даже женщина с бородой. Но я говорю не о том, что бывает на свете, а только о том, что есть. А есть на свете всего лишь один человек, который живет и боится смерти больше всего на свете... Ради бога, не отнимайте у нас последнего средства к существованию, разрешите нам говорить, что нам трудно жить. Ну хотя бы вот так, шепотом: «Нам трудно жить» (С. 213–215).

В «Трех сестрах» барон Тузенбах произносит следующий монолог: «После нас будут летать на воздушных шарах, изменятся пиджаки, откроют, быть может, шестое чувство и разовьют его, но жизнь останется все та же, жизнь трудная, полная тайн и счастливая. И через тысячу лет человек все будет так же вздыхать: «ах, тяжело жить» — и вместе с тем точно так же, как теперь, он будет бояться и не хотеть смерти»¹⁸².

Синтаксический строй высказываний Тузенбаха и Подсекальникова идентичен, тема строится по принципу — «общая» жизнь многогранна и непредсказуема, в ней все может быть, а рема выводит к философскому обобщению — индивидуальная жизнь неизменна, стержень ее — объективный страх человека перед смертью. Но при этом речь Подсе-

¹⁸¹ Мандельштам Н. Я. Самоубийца // Эрдман Н. Р. Самоубийца... С. 220.

¹⁸² Чехов А. П. Три сестры // Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Сочинения. Т. 13. М., 1978. С. 146.

кальникова строго психологически и социально обусловлена, Подсекальников и в конце пьесы продолжает говорить языком мещанина, совершает психологически объяснимые поступки: унижаясь перед Гранд-Скубиком и компанией, встает на колени.

Результативное высказывание, к которому идет герой на протяжении всей пьесы, — квинтэссенция раздумий персонажа о своем положении в мире, о положении человека вообще в абсурдной действительности. Но общее стилистическое оформление речей Подсекальникова и Гулячкина не меняется, законы реалистического искусства продолжают действовать, речь героев ярко индивидуально окрашена:

Семен Семенович. Что такое общественность — фабрика лозунгов. Я же вам не о фабрике здесь говорю, я же вам о живом человеке рассказываю. Что вы мне толкуете: «общее», «личное». Вы думаете, когда человеку говорят: «Война. Война объявлена», вы думаете, о чем человек спрашивает, вы думаете, человек спрашивает — с кем война, почему война, за какие идеалы война? Нет, человек спрашивает: «Какой год призывают?» И он прав, этот человек (С. 213).

Внутри монолога Подсекальникова существует несколько стилистических пластов. Большинство предложений моделирует речь маленького человека, вынужденного рассуждать о вечном. Но первая фраза этого монолога стилистически нейтральна, стилистически выпрямлена. Именно здесь происходит совпадение голоса автора и голоса героя. Родилась эта фраза еще в 1924 г. в литературной декларации имажинистов. В параграфе пятом имажинисты провозглашают: «Поспешным шагом создается новое “красное эстетизирование”. Маркизы, пастушки, свирели — каноны сентиментальной эпохи. Машины и сумбур — эстетические привычки буржуазно-футуристической эпохи. Серп, молот, мы, толпа, красный, баррикады такие же атрибуты красного эстетизирования. Примета зловещая. Фабрикаты, штампы...»¹⁸³.

Штамп, лозунг определяет духовное состояние эпохи. Мысль имажинистов, вложенная Эрдманом в уста Подсекальникова, характеризуя общую ситуацию в пьесе, выходит за счет своего аллюзивного характера за пределы текста и оформляет конфликт эпохи, столкновение авторского творческого сознания и общества.

Экзистенциальная ситуация определяет в поэтике Н. Эрдмана динамику сближения «точки зрения» автора и «точки зрения» персонажа, конечным итогом является слияние слова автора и слова героя. Проме-

¹⁸³ Цит. по: Эрдман Н. Пьесы. Стихи. Интермедии. Воспоминания современников. М., 1990.

жуточным звеном между общей ситуацией и общим словом становится рефлексия главного героя, поток его самопознания.

Главный герой «Самоубийцы» в большей степени, чем Гулячкин, оказывается погруженным в мир культуры, так же как текст второй пьесы Эрдмана, по сравнению с первой, более четко оформляет свое расположение в метатексте культуры.

В «Мандате» очень невысок аллюзивный фон. Лишь единожды тезаурус текста комедии «впускает» цитату из произведения другой эстетической тональности. В одной из сцен Иван Иванович, встав на колени и поцеловав Насте, кухарке Гулячкиных, руку, произносит перед ней фразу: «Не тебе поклоняюсь, а страданию твоему...» (С. 90). Особой содержательной нагрузки здесь реминисценция из Достоевского не несет, авторская игра лишь усиливает комизм ситуации. При этом степень узнаваемости текста источника низка, поскольку трудно совместимы художественные миры «Мандата» и «Братьев Карамазовых».

В «Самоубийце» уровень аллюзивности решительно повышается. Помимо уже указанных реминисценций, есть еще монолог Виктора Викторовича из первого явления третьего действия, который представляет собой пародию на знаменитое лирическое отступление из поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души», подпись Егорушки под доносом на Калабушкина «35 тысяч курьеров» отсылает нас к «Ревизору». Гоголевские аллюзии усиливают комизм пьесы, при этом оказываются более функционально задействованными, чем скрытая цитата из Достоевского в «Мандате». Во-первых, они быстрее и точнее воспринимаются зрителем — читателем, поскольку образ тройки — Руси — «вечный образ» русского национального сознания, а общая тональность «Ревизора» во многом совпадает с жанровыми доминантами пьесы Эрдмана. Во-вторых, они помогают автору, помимо усиления комического эффекта, разоблачить маски персонажей. Но именно в той части текста, где суть героя исчезает и ведущая партия переходит к его маске, наиболее активно и объемно начинает звучать авторский голос. Во втором действии один из второстепенных героев Виктор Викторович произносит следующий монолог: «А что вы все говорите — торговля, торговля. В наше время искусство тоже торговля. Ведь у нас, у писателей, музыкантская жизнь. Мы сидим в государстве за отдельным столом и все время играем туш. Туш гостям, туш хозяевам. Я хочу быть Толстым, а не барабанщиком» (С. 153).

В январе 1933 г. Н. Эрдман отдыхал в доме отдыха «Абрамцево» под Москвой. Л. Трауберг вспоминает об этом времени так: «Я испол-

нил вместе с Эрдманом и Массом пошлейшую эстрадную песенку, текст ее был примерно таков:

Как видите, друзья, я с барабаном
И жизнь ужасную влачу.
В оркестре я сижу болван болваном
И палкою по шкуре колочу.

Один мелодию выводит,
Другие — аккомпанемент,
А мой, по музыке выходит,
Совсем ненужный инструмент.

Эрдман, Масс и я повесили на шею стулья и после куплета отчаянно барабанили. Ничего не попишешь: иллюстрация к положению самого Эрдмана»¹⁸⁴.

Уже автор цитирует своего героя, который в произведении имеет откровенно негативную окраску. Тема трагической судьбы художника, конфликт художественного сознания и социальной действительности, поскольку он выражается через маски персонажей, не реализуется в действии пьесы. Он характеризует внетекстовую реальность, раздвигает границы мира художественного в мир реальный.

Вместе с тем, с определенной долей уверенности можно сказать, что собственно художественным мир «Самоубийцы» форматируется не только философскими исканиями XX века и не только метатекстом русской литературы. Идеологическая конструкция «Быть — не быть», организующая внутренний конфликт пьесы, выводит «Самоубийцу» на уровень произведения, входящего в мировой литературный симбиоз.

В финале своей статьи о Н. Эрдмане «Ордер на самоубийство» Л. Трауберг в скобках замечает: «Озорства ради напомню, что в конце «Гамлета» — сцена с гробовщиками; в «Самоубийце» — тоже»¹⁸⁵.

Жанровая несовместимость трагедии «Гамлета» и комедии «Самоубийцы» приводит к тому, что Л. Трауберг собственное, вполне резонное сопоставление финальных актов произведений драматического рода литературы называет «озорством».

Но миметическая суть драмы вполне позволяет сделать это сопоставление. Финальные акты обоих произведений суть точка, вердикт, вы-

¹⁸⁴ Трауберг Л. Ордер на самоубийство // Эрдман Н. Р. Самоубийца: Пьесы. Интермедии. Переписка с А. Степановой. Екатеринбург: У-Фактория, 2000. С. 7.

¹⁸⁵ Там же. С. 11–12.

несенный авторами своему времени, своей эпохе. И эмблемами приговора становятся сценические фреймы гробовщиков и мертвецов.

Методологическим обоснованием для того, чтобы не отмахнуться от смелой и интересной мысли Л. Трауберга, служит и то, что в современном литературоведении все настойчивее происходит поиск наджанровых способов типизации действительности, которые так или иначе, в той или иной степени связаны со структурами коллективного мышления, общими алгоритмами познания действительности. Такими константами русского культурного тезауруса стали Гамлет и его создатель Шекспир¹⁸⁶.

Частным обоснованием для рассмотрения пьесы «Самоубийца» сквозь призму идеологических конструкций «Гамлета» является то, что, во-первых, Н. Эрдман является автором интермедий к бессмертной трагедии У. Шекспира, и, во-вторых, в произведении современного драматурга есть прямая цитация «Гамлета». Егорушка в сцене на кладбище с подачи Виктора Викторовича начинает свою надгробную речь словами: «...Граждане, разрешите мне подлиться с вами радостной новостью. Минуту тому назад до нас дошли сведения от товарища Марцелла, что в королевстве Датском не все спокойно» (С. 207).

Вопрос, который задает себе Подсекальников во втором действии: «Есть загробная жизнь или нет?», — мучает его и дальше. В третьем акте на него пытается ответить отец Елпидий: «По религии — есть. По науке — нету. По совести — никому неизвестно» (С. 170). Именно «неизвестность», «неоткрытость» страны, куда попадает человека после смерти, останавливает Гамлета от самоубийства в наиболее известном монологе Гамлета¹⁸⁷.

В композиции и пьесы Шекспира, и пьесы Эрдмана монологи, где герои формулируют дилемму «быть — не быть», занимают срединное положение, маркируют начало глубинной рефлексии. При этом динамика экзистенциального самопознания уводит Подсекальникова на обочину жизни, заставляет занять его периферийную, маргинальную позицию, где и происходит его окончательное самоопределение. Одновременно с этим герой «Самоубийцы» синтезирует в процессе рефлексии духовные искания различных культур. В тезаурусе его текста (как сознания, смоделированного автором) становятся «своими» абсолютно разные спосо-

¹⁸⁶ См. подробнее: Шекспировские штудии. Трагедия «Гамлет». М., 2005; Шекспировские штудии II: «Русский Шекспир». М., 2006; Шекспировские штудии V. Шекспир во взаимоотношении литератур. М., 2007.

¹⁸⁷ См. подробнее: Луков Вал. А. Тезаурус Гамлета // Шекспировские штудии: Трагедия «Гамлет»... С. 27–36.

бы мышления: от телесного познания мира до концептуального (от «концепт») его оформления. Синтез, открытость, с одной стороны, и «остранение», с другой, — бинарная оппозиция, в энергетике которой находит воплощение русский национальный характер.

В. В. Каблуков

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ МИРА В ПЬЕСЕ А. ПЛАТОНОВА «ДУРАКИ НА ПЕРИФЕРИИ»*

Пьеса А. Платонова «Дураки на периферии» впервые опубликована совсем недавно¹⁸⁸, хотя датируется сентябрем-октябрем 1928 г. Не совсем пока понятно участие Б. Пильняка в написании этого произведения, возможно, он был соавтором, не совсем понятно движение мысли А. Платонова при работе над произведением, поскольку оно неоднократно, под давлением цензуры, переделывалось, черновики вариантов не сохранились, а опубликованный вариант, который писался поверх предыдущих (знак времени, так писал и Пастернак), потерял за 80 лет хранения в архивах несколько страниц.

И под давлением этих знаков вопроса все-таки позволю себе не согласиться с утверждением А. Битова, что «чтение пьес является занятием сомнительным для любителя прозы, пьесы Платонова и для самого автора были скорее испытанием себя в жанре, нежели усилием выразить то невыразимое, чем так особенно богат и ценен для нас его талант»¹⁸⁹. В утверждении известного и популярного модерниста, а теперь и постмодерниста, происходит смешение понятий «когнитивная картина мира» и «языковая картина мира». Сошлюсь на авторитеты и на этом остановлюсь. «Национальная когнитивная картина мира — это концепты и их стереотипные интерпретации, которые в восприятии и понимании мира нашим сознанием задаются культурой... Под языковой картиной мира предлагается понимать представление о действительности, отраженное в языковых знаках и их значениях — языковое членение мира, языковое упорядочивание предметов и явлений, заложенная в систем-

* Работа выполнена при финансовой помощи РГНФ (грант №07-04-02-01а "Принципы воплощения национального сознания в русской советской драматургии").

¹⁸⁸ Платонов А.П. Дураки на периферии // Ноев ковчег: пьесы. М.: Вагриус, 2006. С.12–57. Далее, при ссылках на это издание, будет указываться только номер страницы.

¹⁸⁹ Битов А. Пустая сцена // С. 7.

ных значениях слов информация о мире»¹⁹⁰. То есть, когниция — в большей степени сфера действия драматургии, язык — эпоса. Эпос, говоря словами А. Битова, пытается «выразить невыразимое» (впрочем, это все-таки суть лирики), а драматургия «невыразимое» организует в когнитивную матрицу понимания мира. При этом язык лишь частично, в рамках «наивной» картины мира, участвует в этой организации.

Концептуализация мира всегда происходит в трех измерениях: пространстве, времени и действии. Причем пространство (статичный уровень картины мира) является, по утверждению Ю. Лотмана, первичным по отношению к времени и действию (динамический уровень картины мира).

Само название «Дураки на периферии» выводит сознание читателя на культурные национальные сценарии действительности.

Основная пространственная оппозиция русской литературы: ЦЕНТР — ПРОВИНЦИЯ. Центр — это Петербург или Москва, причем петербургский текст в русской литературе представлен более широко. Топосы периферии: уезд, уездный город, дворянское гнездо, родовой дом, деревня, поселок городского типа. Каждый из них помимо того, что определяет тот или иной этап развития русского литературного сознания, концептуально оформляет пространство русской действительности.

К началу XX века концепт «периферия» в русской литературе характеризуется несколькими устойчивыми семами (мотивами): мотивом разрушения идеала (дворянского гнезда и родового дома), семантикой соборности, когда в провинциальном существовании видится модель жизни всей России, и идеей безумия. В совокупности они составляют национальный сценарий поведения «русского человека на периферии», который становится основой сюжета множества произведений русской литературы XX века.

Крушение онтологических основ существования в пьесе А. Платонова, согласно родовым законам драмы, реализуется в первую очередь в разрушении предметного мира, как первичной знаковой системы, в которой существует человек. В самом начале действия Иван Павлович Башмаков, ожидающий комиссию охматмлада, которая должна решить, делать его жене аборт или нет, «учиняет в доме малый погром, растаскивает стулья, вынимает грязную ветошь, переворачивает некоторые вещи вверх дном»¹⁹¹. Цель всех этих действий со стороны Башмакова — постараться убедить комиссию по охране матерей и младенцев, что «рожать он сейчас

¹⁹⁰ Прохоров Ю. Н., Стернин И. А. Русские: коммуникативное поведение. М.: Флинта: Наука, 2007. С. 95.

¹⁹¹ Платонов А. Указ. соч. С. 15.

не может»: «Чего я желаю? — Я желаю — не родить. Я уже родил свою норму. А без комиссии нельзя сделать аборта, на основании обязательного постановления»¹⁹². При этом первый акт происходит в «Русской уездной квартире», а заканчивается действие пьесы в «Помещении узкой комиссии охматмлада — среднерусском учреждении» (выделено мной. — К. В.). Русское пространство в пьесе лишено онтологии, родовые законы существования заменены законами социальными, бюрократическими. По приговору суда члены комиссии платят алименты жене Башмакова, она живет с ними в «учреждении», выясняется, что Башмаков не является физическим отцом ребенка. В финале произведения онтология с помощью «бога из машины» — Старшего рационализатора — вроде бы восстанавливается: жены членов комиссии возвращаются к мужьям, Башмаков обязан принять свою жену обратно и взять на себя воспитание сына. Но ребенок умирает. Смерть ребенка — устойчивый образ в произведениях А. Платонова 20–30 годов, символизирующий абсурд, дисгармоничность реальности.

Художественное пространство пьесы организуется в троичной системе координат: Москва (губгород) — Уездный город Переучетск (где собственно и происходит действие) — деревня (лес). Но горизонтальное моделирование происходит не как движение от центра в провинцию, а как аккумуляирование семантики двух крайних элементов в середине — в уездном городе. Переучетск «собирает» в себе и бюрократические несуразицы центра, и маргинальную суть окраины. Жена Башмакова, Марья Ивановна, на протяжении всего действия постоянно говорящая о своем желании уйти в разбойники, в леса, в начале первого акта четко проговаривает свою позицию: «Живу я среди вас и презираю»¹⁹³. Ащеулову, одному из членов комиссии, в тот момент, когда ему грозит наказание, предлагают спрятаться в деревне. То есть, концептуализация пространства в пьесе происходит совершенно в рамках национального менталитета, где идея беспредельности русского существования является стержневой. Но, если концепт «уездного города» связан с русскими культурными, литературными традициями, то роль русских пространств в формировании русского видения мира определена языком¹⁹⁴. При этом энергетика когниции все-таки в большей степени определена культурными традициями, а не наивно-языковой этикой.

Внутри этой системы горизонтальный и вертикальный принципы моделирования пространства совмещаются.

¹⁹² Там же. С. 17.

¹⁹³ Там же. С. 14.

¹⁹⁴ См. об этом, например: Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира: материалы к словарю. М.: Языки славянской культуры, 2002.

**О СОЗДАНИИ И РАЗВИТИИ
ЭЛЕКТРОННОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПОРТАЛА
«РУССКИЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ КЛУБ»**

В 2008 г. при финансовой поддержке РГНФ ИФПИ МосГУ приступил к созданию информационного портала «Русский интеллектуальный клуб» (грант №08-03-12118в). Основной задачей проекта является публикация в Интернете в открытом доступе материалов научных заседаний клуба и возникших во время заседаний дискуссий. Руководителем проекта выступил видный ученый и общественный деятель, ректор Московского гуманитарного университета, Президент Союза негосударственных вузов Москвы и Московской области, Президент Национального союза негосударственных вузов, доктор философских наук, профессор, академик Российской академии естественных наук, Российской академии словесности, Председатель Русского интеллектуального клуба (РИК) Игорь Михайлович Ильинский.

Русский интеллектуальный клуб (РИК) создан 2 сентября 1999 г. Инициаторами создания РИК были выдающийся русский мыслитель и ученый, академик Российской Академии наук Никита Николаевич Моисеев и ректор Московского гуманитарного университета (в 1999 г. — Института молодежи) профессор Игорь Михайлович Ильинский. В организации работы клуба с момента его создания принимал активное участие известный русский философ и социолог А. А. Зиновьев (на протяжении ряда лет он был его Председателем).

На заседания клуба выносятся актуальные и трудные для анализа проблемы современной общественной жизни. Отличительная особенность этих проблем — их всемирный масштаб и первостепенная значимость для человечества. В заседаниях РИК принимают участие видные ученые, политические и общественные деятели, эксперты по обсуждаемым проблемам.

В состав клуба, согласно его Уставу, могут входить известные интеллектуалы и специалисты в различных областях науки и практики. В настоящее время среди членов клуба такие известные общественные деятели и деятели науки, как Ю. Ю. Болдырев, государственный и общественный деятель; Ю. И. Журавлев, академик РАН, лауреат Ленинской премии; А. А. Лиханов, писатель, Председатель Правления

Российского детского фонда, академик РАО, академик РАЕН; В. М. Межуев, главный научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук, профессор; В. В. Серебрянников, заместитель руководителя Центра социологии национальной безопасности Института социально-политических исследований РАН, доктор философских наук, профессор; Л. И. Шершнева, президент Фонда национальной и международной безопасности, главный редактор журнала «Безопасность», эксперт Государственной Думы и Совета Федерации РФ по безопасности, генерал-майор запаса. Представлен и Московский гуманитарный университет (Вал. А. Луков, Вл. А. Луков, А. И. Фурсов, А. И. Шендрик и др.).

Клуб стремится консолидировать усилия патриотически настроенных общественных и политических деятелей и ученых и направить их усилия на выработку в ходе дискуссий рекомендаций по повышению качества жизни в России, укреплению духовного и интеллектуального потенциала нашей страны. В научном отношении деятельность Клуба сосредоточена на осмыслении результатов фундаментальных и прикладных исследований в области общественных и гуманитарных наук, преимущественно связанных с изучением проблем развития России и ее положения в мире.

Предоставляя свою трибуну видным общественным деятелям, ученым, Правление клуба предпринимает также усилия по стимулированию творческой активности патриотической молодежи, прежде всего студентов вузов, привлечению внимания общественности, средств массовой информации, органов государственной власти на организацию их взаимодействия с известными современными интеллектуалами, на поддержку и развитие традиций российской науки, культуры, образования, повышение престижа России в мире.

Интеллектуальные клубы, семинары, посвященные обсуждению теоретических проблем разного рода, являются широко распространенной формой проведения научных и общественно-политических дискуссий. На Западе примером могут служить семинары в Колумбийском университете, организуемые профессором Робертом Белкнапом¹⁹⁵. В России аналогичные обсуждения проводятся в клубе «Свободное слово» В. Толстых, в телевизионной программе В. Третьякова «Что делать?» на канале «Культура» (являющейся, по сути, телеверсией интеллектуального клуба). Существенной чертой такого рода объединений, отличающих их как от «игровых» интеллектуальных

¹⁹⁵ См.: Белкнап Р. Университетские семинары в Колумбийском университете // Знание. Понимание. Умение. 2005. №3.

сообществ (например, интеллектуального клуба «Что? Где? Когда?»), так и сугубо политических, партийных дискуссионных трибун (например, Парламентского клуба Госдумы РФ «Российский парламентарий»), является сочетание актуальности и общественной значимости выносимых на обсуждение проблем, научной фундаментальностью и высокой академической культурой проведения дискуссий.

У коллектива ИФПИ МосГУ уже был научный задел по проекту. В частности, на сайте Московского гуманитарного университета (www.mosgu.ru) в разделе «Научная жизнь» размещена отдельная страница, которая дает информацию о персональном составе Русского интеллектуального клуба, тематике заседаний и правилах вступления в клуб. В 2007 г. на факультете международных отношений Московского гуманитарного университета создан и действует интернет-сайт Русского интеллектуального молодежного клуба (РИМК) (www.rik-info.ru), организованного по модели РИК и под его патронажем.

В результате работы по проекту в этом году стало открытие портала «Русский интеллектуальный клуб», публикация материалов заседаний клуба, создание открытого форума для обсуждения опубликованных материалов, а также обсуждение плана очередных дискуссий. На сайте предусмотрен ряд сервисов: формирование списков докладчиков и участников дискуссий, ссылки на другие сайты научной и политической информации, электронная версия портала на английском языке, регистрация в американских и европейских поисковых системах, публикация новой информации о работе клуба и ее результатах, электронная рассылка архива событий в государственные и общественные организации, деловые корпорации, вузы, библиотеки, научные фонды.

Создание портала позволяет организовать оперативную публикацию научных статей, тематических докладов, материалов дискуссий, других научных работ. Подготовленные тексты могут быть импортированы для использования как учеными–гуманитариями, так и исследователями, работающими в области естественных наук.

Развитие информационного общественно-политического и научно-просветительского портала «Русский интеллектуальный клуб» позволяет в полной мере воспользоваться преимуществами виртуального решения научных проблем, помогает использовать перспективные способы трансляции информации посредством современных Интернет-технологий, информировать широкую аудиторию о дискуссиях в Русском интеллектуальном клубе, о проблемах современной России, ее

положении в мире, о важных событиях, документах и прогнозах в области политического и социально-экономического развития российского общества.

Электронный архив стенограмм заседаний Русского интеллектуального клуба, интерактивный список участников дискуссий, ссылки на мировые и российские ресурсы в Интернете, посвященные проблемам настоящего и прошлого российской государственности, частичный перевод материалов на английский язык, блоки сопровождения материалов иллюстрациями размещаются по темам дискуссий в Русском интеллектуальном клубе:

- «США как главный противник России»,
- «Борьба за молодежь: новые стратегии, новые тактики»,
- «Перспективы мирового либерализма»,
- «Перспективы мирового коммунизма»,
- «Высшее образование для XXI века»,
- «Проблемы национальной идеологии»,
- «Международный терроризм»,
- «Новая эпоха — новые войны»,
- «Самосохранение русского народа».

В 2009 г. планируется электронная рассылка материалов дискуссий и подготовленных на их основе документов (экспертных заключений, практических рекомендаций, политических воззваний) по официальным адресам органов государственной власти, общественных и политических организаций (политических партий и движений), крупных деловых корпораций, вузов, библиотек, аналогичных интернет-порталов, также планируются мониторинговые исследования интернет-аудитории (возраст, образование, профессия, область интересов).

Электронный ресурс обращен к широкому кругу пользователей: государственным и общественным деятелям, политикам, деловым людям, исследователям в сфере общественных и гуманитарных наук, ученым и преподавателям, студентам, аспирантам вузов, всем, кто интересуется общественно-политическими проблемами и историческими судьбами России.

О ПРИМЕНЕНИИ ТЕЗАУРУСНОЙ МЕТОДОЛОГИИ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ ПОДРОСТКОВ

В Российском государственной гуманитарном университете в декабре 2008 г. защищена кандидатская диссертация Анны Викторовны Кулешовой «Ценностные ориентации и культурные тезаурусы городских подростков современной России»¹⁹⁶. Фактически это первая работа, подготовленная как диссертация в области социологии, где тезаурусная идея вынесена в заглавие, а исследователь своей методологической базой признает тезаурусный подход. Тем важнее увидеть на этом этапе признания тезаурусной методологии ее перспективы и ограничения. Здесь есть повод для рассуждений и об области применения тезаурусного подхода.

Диссертационная работа А. В. Кулешовой является научным исследованием, посвященным изучению ценностных ориентаций российских подростков. Есть все основания считать тему исследования актуальной в теоретическом и практически-прикладном аспектах. Проблемы ценностных ориентаций как важнейшего регулятора человеческих обществ привлекает к себе особое внимание в обществе и в науках об обществе в периоды крупных социальных и культурных сдвигов, когда неустойчивость ценностной системы делают неизбежным выбор индивидом и группами его принадлежности (семья, рабочий или учебный коллектив, дружеский круг и т. д.) какого-то варианта из альтернатив или конструирования своей версии ценностной системы из фрагментов альтернативных вариантов. Этот общий фон ценностной неопределенности переходных эпох создает условия для социальной напряженности, с одной стороны, и социокультурных инноваций и экспериментов, с другой. Он, безусловно, остается актуальным для социологии и в теории (в частности, без этого не может развиваться теория социализации), и на практике (с этим, например, связаны стратегии образовательной деятельности, постановка работы в воспитательных учреждениях и т. п.).

¹⁹⁶ См.: Кулешова А. В. Ценностные ориентации и культурные тезаурусы городских подростков современной России: Дис. ... канд. социол. наук. М., 2008. Далее страницы диссертации указываются в тексте по этой рукописи.

Объект исследования, избранный автором, — российские городские подростки в возрасте 14–16 лет. А. В. Кулешова поставила целью своего исследования охарактеризовать структуру ценностных ориентаций современных подростков, выявить присутствующие в подростковой среде типы культурных тезаурусов, а также определить наиболее влиятельные факторы их формирования (с. 9). Такой подход представляется важным в том отношении, что в изучении ценностных ориентаций подростков имеются немалые трудности (и автор на некоторые из них указывает — с. 137 и др.) и исследовательская практика на этом направлении невелика. Но именно в эти годы формируется и закрепляется ядро тезауруса — картина мира, которая потом, как показали и наши последние исследования, в стратегическом отношении (т. е. по общей направленности) почти не изменяется по крайней мере в последующие 7–10 лет. Тем значимее представляется полученный А. В. Кулешовой научный результат.

А. В. Кулешова не пошла по простому пути характеристики ценностного мира подростков как такового, с выстраиванием рейтингов ценностей и т. п. Она избежала ловушки такого простого решения, осмыслив переменчивость социальных связей подростка как его естественного свойства, не вытекающего из устойчивости или переменчивости общества в целом. В этом ей помогло применение в качестве теоретико-методологического основания работы тезаурусного подхода, который в последнее время все шире применяется в социологии, но почти не затронул сферу исследований подростков. Думается, в применении и развитии тезаурусного подхода к исследованию подростков — главная черта диссертации А. В. Кулешовой как труда, содержащего признаки научной новизны. К диссертационным положениям, которые об этом свидетельствуют, мы относим следующие:

1. Применяемая в социологии молодежи тезаурусная концепция обогащена подходами, найденными автором в работах по информатике и искусственному интеллекту, и таким образом получила развитие тезаурусная методология анализа такой социальной группы, как подростки (с. 39–63).

2. На этой основе разработана инструментальная модель тезауруса, которая применима в эмпирических исследованиях ценностных ориентаций подростков. Автор представляет ее как модель универсального ценностно-ориентированного тезауруса подростка, которая включает в себя общие и конкретные онтологии (с. 52). Описанный в диссертации алгоритм построения идеальной тезаурусной модели пригоден для фор-

мализованного анализа ценностных ориентаций и анализа культурных тезаурусов в информационных системах.

3. Построена ценностно-ориентированная типология городских подростков, в которой типы различаются по структуре тезауруса («Виртуальный», «Преемственный», «Взрослый», «Гуманистический», «Потребительский», «Радикальный» и «Деструктивный»). Типы культурных тезаурусов городских подростков выделены с учетом общих и конкретных онтологий, терминальных и инструментальных ценностей, и повседневных практик городских подростков (с. 131–135).

4. Показана связь отдельных социальных факторов, влияющих на формирование ценностных ориентаций в подростковой среде, и характером тезаурусного типа, что влечет за собой отличия в картинах мира и специфических социально-конструирующих ресурсах (убеждения, идеалы, особенности целеполагания и достижения цели, характер взаимодействия с «внешним миром» и пр.) подростков (с. 138). Интерес представляет, авторская интерпретация разноуровневых социальных факторов, влияющих на формирование ценностных ориентаций в подростковой среде: *микро-, мезо- и макро-* факторы. К *макрофакторам* автор относит: 1) фактор кризисного социума; 2) фактор социального насилия; 3) культурный фактор, который находится в тесной связи с постмодерными тенденциями и затрудняет выбор и освоение подростками образцов, норм и ценностей; 4) фактор неопределенности правового и социального статуса подростка. К *мезофакторам* А. В. Кулешова относит: 1) фактор мегаполиса; 2) фактор виртуального пространства; 3) конфессионально-этнический фактор; 4) стигматизирующий фактор. В группу *микрофакторов* автор включает: 1) семейно-психологический фактор; 2) фактор образовательного института; 3) субкультурный фактор, формирующий референции подростка; 4) поло-возрастной фактор; 5) транзитивный фактор, который обусловлен переходным характером подросткового возраста; 6) дебютный фактор, успешность которого и его *контекст* влияют на характер дальнейшей социализации подростка (с. 83–85). Делается важный вывод, что различия в подростковых тезаурусах образуются скорее под влиянием факторов мезо- и микроуровня и не носят абсолютного характера (с. 135).

5. Доказано, что ценностные приоритеты и формирующиеся на их основании типы ценностно-ориентированных тезаурусов играют в дифференциации подростковой среды не менее существенную роль, чем социальное происхождение, достаток и иные объективные параметры. Детальный анализ основных компонентов тезауруса подростков позволил автору сделать вывод о том, что подростки не в состоянии самостоя-

тельно разрешить противоречие, которое возникает между декларируемыми и реально воспроизводимыми в обществе социальными и культурными образцами, нормами и ценностями, что способствует ценностной дезориентации подростков. Наряду с этим выявлена потребность подростков в устойчивых «подлинных» ценностях и идеалах, способствующих сохранению внутренней стабильности жизненного мира подростка (с. 140).

Ряд других положений также заслуживает поддержки в качестве содержащих научную новизну и свидетельствующих о творческом, оригинальном характере данной диссертации.

Следует отметить стремление автора к широкому охвату литературы по теме исследования, а также использованию, кроме проведенных ею, целого ряда других эмпирических исследований, подвергнутых вторичному анализу с целью укрепить доказательную базу своих выводов. Автор анализирует статьи из профессиональных, общественно-политических изданий; периодические издания и «виртуальные» СМИ для подростков и молодежи; нормативные документы и т. д. Во многом именно оперирование такой обширной эмпирической информацией помогло А. В. Кулешовой проанализировать предмет изучения многосторонне.

Все же некоторые положения этой интересной работы дают повод для дискуссии, а что-то может быть признано явными недостатками. Сформулируем некоторые из наших несогласий с автором диссертационного исследования.

В теоретическом плане представляется, что автор перегружает тезаурусный подход исследовательскими практиками, свойственными другим подходам (например, тому, который представляет тест М. Рокича, с. 128–131), в то же время недооценивает для решения задач своей работы некоторые важные положения тезаурусной концепции. Так, А. В. Кулешова верно указывает на специфику иерархии знаний в тезаурусе, которая строится не от общего к частному, а от «своего» к «чужому» (с. 49), но в исследовании подростков обращается к этому важному обстоятельству лишь между делом (с. 122), хотя именно в системе координат «свой-чужой» возникает наилучшая возможность для выявления ценностных ориентаций подростков, где более сложные конструкции (своего рода дериваты «своего» и «чужого») еще слишком неустойчивы.

Идея с онтологиями (в смысле комплекса понятий, характеризующего любую область знания) перспективна, но не вполне ясно, почему в данном случае общие онтологии автор составляет из понятий: мировоз-

зрение, мораль, ценностные ориентации, толерантность, повседневные практики, телесность, ценности (с. 52). Почему взят такой состав понятий? Это *система* понятий или *фрагменты*, которые оказались доступными для изучения автору в рамках его исследования? Если система, то каковы основания (критерии) ее построения из таких блоков (понятий)? Здесь, видимо, есть проблемы систематизации материала. В итоге появляются противоречия (например, толерантность на с. 59 определяется как ценность, но тогда она должна войти в блок «ценности»).

Не очень обоснованным выглядит утверждение, что большинство современных отечественных исследований подросткового возраста не далеко ушли от концепта «моральных паник» (с. 39). Анализ, проведенный автором (представлен в приложении 2, с. 155), показывает, что это некоторое преувеличение. Но важно даже другое: обращение к подростковым девиациям диктуется не исследовательским интересом авторов, а социальным заказом, который — в форме реального заказа тех или иных организаций, имеющих в этом случае прагматический интерес, — регулирует предметную область исследований подростков.

Все же некоторые недостатки мы не склонны возводить в слабость проведенного исследования. В работе возникла возможность придать тезаурусному подходу некий новый импульс в том смысле, что он был применен вне научной школы Московского гуманитарного университета. Он был подхвачен из литературы, освоен в ситуации, когда собранный материал нуждался в концептуальном осмыслении. И тезаурусная тема зажила своей автономной от источника жизнью. Соединение же концепции тезаурусного подхода с рядом положений информатики и теории искусственного интеллекта заслуживает самого тщательного изучения.

Это и позволяет видеть в работе А. В. Кулешовой нерядовую попытку применения тезаурусного анализа как методологического средства в современной социологии.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Кузнецова Т. Ф.</i> Культурология в современном гуманитарном знании: социодинамика научной сферы.....	3
<i>Луков Вл. А.</i> Первый литературный концентр русского культурного тезауруса: Византия.....	19
<i>Луков Вл. А.</i> Бодлер в зеркале мнений (тезаурусный анализ критических высказываний о французском поэте в Европе и России).....	31
<i>Трыков В. П., Ощепков А. Р.</i> Французская «россика»: особенности понимания России.....	39
<i>Драгалина-Черная Е. Г.</i> Индоктринация как идентификация: тезаурусный подход.....	52
<i>Биченко И. Г.</i> Тезаурусный подход к изучению ценностных ориентаций молодежи.....	60
<i>Захаров Н. В.</i> Переводы Шекспира как отражение диалога культур.....	66
<i>Гайдин Б. Н.</i> Шекспир и ветви христианства.....	71
<i>Каблуков В. В.</i> Динамика экзистенциального самоопределения маленького человека в драматургии Н. Эрдмана.....	76
<i>Каблуков В. В.</i> Концептуализация мира в пьесе А. Платонова «Дураки на периферии».....	84
<i>Канарш Г. Ю., Захаров Н. В.</i> О создании и развитии электронного информационного портала «Русский интеллектуальный клуб».....	88
<i>Луков Вал. А.</i> О применении тезаурусной методологии в социологическом исследовании подростков.....	92

Сведения об авторах:

Биченко Иван Григорьевич — аспирант кафедры социологии Московского гуманитарного университета.

Гайдин Борис Николаевич — старший научный сотрудник Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета.

Драгалина-Черная Елена Григорьевна — доктор философских наук, профессор кафедры онтологии, логики и теории познания философского факультета Государственного университета — Высшая школа экономики

Захаров Николай Владимирович — кандидат филологических наук, доктор философии (PhD), заместитель директора Института фундаментальных и прикладных исследований МосГУ, академик МАН (IAS, Инсбрук).

Каблуков Валерий Витальевич — кандидат филологических наук, журналист.

Канарш Григорий Юрьевич — кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета.

Кузнецова Татьяна Федоровна — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой культурологии Московского педагогического государственного университета, академик МАН (IAS, Инсбрук), академик МАНПО.

Луков Валерий Андреевич — доктор философских наук, профессор, проректор Московского гуманитарного университета по научной и издательской работе — директор Института фундаментальных и прикладных исследований МосГУ, заслуженный деятель науки РФ, академик-секретарь РС МАН (IAS, Инсбрук), академик МАНПО, почетный профессор МосГУ.

Луков Владимир Андреевич — доктор филологических наук, профессор, директор Центра теории и истории культуры Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета, заслуженный деятель науки РФ, академик МАН (IAS, Инсбрук), академик-секретарь МАНПО.

Ощепков Алексей Романович — кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой литературы Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина.

Трыков Валерий Павлович — доктор филологических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой всемирной литературы Московского педагогического государственного университета, академик МАН (IAS, Инсбрук).

Научное издание

**ТЕЗАУРУСНЫЙ АНАЛИЗ
МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ**

Сборник научных трудов

Выпуск 17

Под общей редакцией профессора Вл. А. Лукова

Издательство Московского гуманитарного университета

Печатно-множительное бюро

Подписано в печать 1.12.2008 г. Формат 60X84 1/16

Усл. печ. л. 6,25

Тираж 100 Заказ № 980

Адрес: 111395, Москва, ул. Юности, 5/1